

В. БУРТОВОЙ

**ЗА ЗОЛОТЫМ
ПРИЗРАКОМ**

ВЕЧЕ

Новая библиотека приключений и научной фантастики

Владимир Буртовой
За золотым призраком

«ВЕЧЕ»

2019

Буртовой В. И.

За золотым призраком / В. И. Буртовой — «ВЕЧЕ»,
2019 — (Новая библиотека приключений и научной фантастики)

ISBN 978-5-4484-8039-3

Май 1866 года. Из Мельбурна в Лондон отправился в плавание барк «Генерал Грант». В судовой декларации указано, что на его борту 740 килограммов золота. Близ островов Окленд барк разбился о скалы и затонул... Многие с тех пор искали эти сокровища. 18 экспедиций окончились безрезультатно. 29 аквалангистов и водолазов погибли в погоне за золотым призраком. И вот очередную экспедицию возглавляет бывший командир немецкой подводной лодки фрегаттен-капитан Отто Дункель, дед которого, Генрих Дункель, служил рулевым на «Генерале Гранте» и хорошо запомнил место гибели судна, о чем и поведал внуку...

ISBN 978-5-4484-8039-3

© Буртовой В. И., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Глава 1. Отто Дункель проговорился...	6
1	6
2	28
3	35
Глава 2. Перстень с ядом	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Владимир Иванович Буртовой

За золотым призраком

© Буртовой В.И., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Глава 1. Отто Дункель проговорился...

1

Черный «мерседес», повизгивая покрышками на асфальте, прокаленным нестерпимым африканским солнцем, промчался по величественной Кайзерштрассе, обдав дымом ровно подстриженные декоративные кустики за бордюром, несколько раз притормозил перед светофорами, потом, качнувшись, резко встал у белоснежного в два этажа коттеджа, архитектура которого без всякого сомнения говорила о том, что владелец этого здания увлекался, подобно многим состоятельным северянам, готикой. Коттедж парадным подъездом, колоннами у входа смотрел на более спокойную, чем Кайзерштрассе, улицу Германа Геринга¹; высокая литая оградка густо заплетена непролазным плюмбаго², темно-коричневые ветки которого украшены мелкими светло-голубыми цветками, напоминая о весеннем для южной части земли периоде времени.

Не дожидаясь, пока шофер Фриц Зальцман выберется из-за руля, чтобы услужливо открыть дверцу, Отто Дункель рывком надавил на никелированную ручку и с нескрываемым раздражением почти выкрикнул:

– Машину загони в гараж! И не отлучаться, в любую минуту можешь потребоваться! Разрешаю только перекусить на кухне! Понял?

– Слушаюсь, герр сенатор! – Одноглазый верзила Зальцман по давней солдатской выучке щелкнул каблуками и прижал руки к бедрам. На резкий тон своего хозяина Фриц не обратил, как могло показаться, особого внимания: за пятнадцать лет службы у сенатора он видел его всяким, и беспечно веселым, и задумчиво грустным, озорным не по годам, когда тот бывал под легким хмельком, но никогда развязным и пьяным. Видел и таким, как сегодня, разгневанным и злым, но это связано с работой или с политикой, в которой сенатор занимает не последнее место среди здешних предпринимателей и соискателей удачи...

Сенатор парламента Южно-Африканского Союза от националистической партии, владелец довольно крупного горно-обогательного завода и двух рудников на севере Юго-Западной Африки, в Дамбе, Отто Дункель взбешенный – об этом говорил и его тон и нервное комканье перчаток черной кожи – почти вбежал в просторную гостиную первого этажа. Оглядевшись, словно бы надеясь сразу обнаружить виновника свалившегося на него несчастья, он раздраженно закричал, сначала на английском, а потом и на своем родном языке:

– Всем немедленно собраться сюда! Быстро!

Горничная фрау Клара Шильф, дама лет сорока и уже начавшая полнеть, испуганно поклонилась и с чисто немецкой исполнительностью тут же ответила:

– Слушаюсь, герр Дункель! Сейчас созову всех к вам! – И пропала в коридоре на кухню. Через полминуты там послышался ее повелительный голос – так она пыталась передать приказание разгневанного хозяина.

На розовых мраморных ступеньках лестницы со второго этажа показались сначала крепкие прямые ноги в сапогах коричневой кожи, в сапоги вправлены спортивные для верховой езды галифе, потом объявился и сам молодой, лет тридцати, привлекательный мужчина без головного убора. Короткая, ежиком, стрижка и тонкие усики словно подчеркивали его независимый и задиристый характер.

¹ Г. Геринг первые десять лет своей жизни провел в г. Виндхукке, в Юго-Западной Африке, ныне Намибии.

² Плюмбаго – лианоподобный многолетний кустарник, выращивается на юге Африки как декоративное растение.

– Отец, ты ворвался в собственный дом с не меньшей яростью, чем испанский бык на кровью залитую арену! Объясни, что случилось? – с удивлением спросил молодой господин, все еще в такт каждого шага постукивая плетью по правой голени. – Можно подумать, что армия темнокожего вождя Витбоа воскресла и вступила в окрестности Виндхука! – и засмеялся, довольный своей шуткой, хотя глаза смотрели на Отто внимательно и настороженно, как у человека, умеющего скрывать за внешней показной беспечностью ежесекундную готовность к активным, а порою и крутым действиям.

Отто Дункель, устыдившись несдержанности, убрал попавшееся на пути легкое плетеное кресло, остановился у нижней ступеньки лестницы, куда спускался его сын, наклонил в раздумье голову, поджав тонкие губы. Вскинув потом голову, резко сказал:

– Карл! Клянусь священными водами Стикса – в нашем доме, похоже, побывали чужие люди! И не только побывали, но и основательно пошарили в рабочем столе! Вот об этом я и хочу дознаться у прислуги – кто из чужих и когда именно приходил в мой дом?!

На нетерпеливый зов хозяина собрались все обитатели коттеджа – расторопный в свои пятьдесят лет повар индус Али и его услужливая жена – тетушка Ранджана, две степенные горничные, прачка Лотта – эти из немецких переселенцев, а вернее, беженцев из Германии после поражения Гитлера и его несокрушимого, казалось, вермахта. За ними явились садовник Офенман, из старых еще колонистов, не знающий стрижки, седой и лохматый, а с ним прико-вылял сгорбленный и полуглухой дворник Тюрмахер, оба преклонного уже возраста, встали сколь возможно смиренно у двери гостиной, а Тюрмахер, с глубокой со лба залысиной, оглаживая дикие бакенбарды, все пытался распрямить сутулую спину поровнее, и тем выказать свою готовность служить хозяину.

– Из моего рабочего стола, похоже, кто-то брал служебные и личные бумаги! – начал было говорить Отто раздраженно, но постепенно успокаиваясь или только делая вид, что успокаивается, потому как глаза смотрели зло и с прищуром. – Я об этом догадываюсь из паршивых листовок, разбросанных на моем заводе! Кто из вас и когда покидал дом или приводил сюда посторонних? Сознавайтесь! – Ледяной взгляд светло-голубых глаз сенатора поочередно окатил каждого с ног и до головы.

Тюрмахер и Офенман, переглянувшись, пожали плечами.

– Никого, герр Дункель, – поклонился семидесятилетний садовник. – Мои дети и внуки далеко... в Германии. А из друзей у меня остались в живых только птицы да бабочки в саду... Простите, герр Дункель.

– А у меня, герр Дункель, вы знаете, и родных нет! А что до приятелей, – серые крупные глаза дворника не по годам зло сверкнули в полумраке гостиной, – так они все лежат там... Кто на Волге, кто в Судетах... В памяти только их беззаботные довоенные лица и еще студенческие попойки в подвалах Берлина... Простите, герр Дункель, но злой дух памяти стариков неистребим, – и кособоко поклонился сенатору, не поднимая на него опечаленных глаз.

Повар Али безмолвно сложил руки и поясno согнулся, словно готов сложить голову на плаху, даже невинно. И тетушка Ранджана, его жена, ведавшая в доме снабжением, ответила безмолвным поклоном, давая понять, что чужих в дом без разрешения она не посмела бы пригласить, а если ей и вздумается поболтать со знакомыми, так для этого достаточно встреч в магазине или на тротуаре перед подъездом.

– За две недели вашего отсутствия, герр Дункель, никого чужих в доме не было, – в свою очередь ответила и старшая горничная фрау Шильф, дама правил весьма строгих и до предела пунктуальная в выполнении своих обязанностей. – Я никогда не оставляю входную дверь без присмотра и тем более раскрытой.

Слуги покорно ожидали, чем кончится этот неприятный инцидент. Стояли молча, и только дворник Тюрмахер то и дело прикладывал к уху загруbevшую, ковшиком сложенную ладонь, опасаясь не услышать слов хозяина, если они будут сказаны недостаточно громко.

Карл наклонился к отцу и спросил тихо, чтобы прислуга не могла услышать чего-нибудь лишнего:

– Отец, ты имеешь в виду свой судовой журнал с подводной лодки? Тот, что спрятан у тебя в кабинете?

Отто слегка побледнел и по привычке нервно хлопнул себя ладонью по щеке, словно приводя себя в чувство. Его довольно растерянный вид напоминал незадачливого спринтера, который со всего разбега влетел в незамеченную стеклянную витрину и теперь усиленно ищет потерянное направление...

– Д-да, Карл... Неужели его нашли и украли? Если так, то... – Отто Дункель с усилием поднял взгляд на сына, страхась услышать ответ, равнозначный судебному приговору военного трибунала как бывшему нацистскому преступнику, на совести которого сотни человеческих загубленных жизней...

– Отпусти людей, – также негромко и успокаивающе ласково проговорил Карл и пояснил: – Ты же видишь, они ни в чем не виноваты, тем более что твои служебные бумаги никто не просматривал, а судовой журнал твоей бывшей субмарины на месте. – И поскольку отец, встревоженный предположением о пропаже важного документа, все еще не мог выговорить ни одного утешительного слова людям, Карл повелительным жестом римского императора дал знак прислуге удалиться к своим делам. Дважды повторять не пришлось, даже полуглухой Тюрмахер, покачав седой, словно пылью присыпанной головой, проворно шмыгнул за порог – лучше с подругой-метлой разговаривать, сетуя на свою незадавшуюся жизнь, чем выслушивать брань крутого нравом хозяина.

– Что ты думаешь обо всем этом? – нетерпеливо спросил Отто, когда поднялись на второй этаж в просторный кабинет с двумя светлыми распахнутыми настежь окнами. Он внимательно осмотрел полки с книгами, портрет Адольфа Гитлера – портрет фюрера в полный рост висел слева от окна в сад, потом под стать полицейскому инспектору тщательно осмотрел закрытые замки и опечатанные ящики большого под зеленым сукном письменного стола с толстыми резными ножками... Все было на месте, чужой рукой не трогалось. Тогда как эти проклятые прохвосты из далекого отсюда Дамбе узнали о его прошлом? Кто информировал их? Неужели все-таки кто-то из домашней прислуги поставляет информацию краснокожим подпольщикам, мечтающим о независимой Намибии? А что, если кто-то из своих проговорился, из бывших сотоварищей по службе в вермахте?

Отто – сапером по минному полю! – прошел вокруг письменного стола, нагнулся и покрутил одну из округлостей левой ножки, вернулся к лицевой стороне, вставил особой конфигурации ключ, выдвинул массивный ящик. Из него вынул на зеленое сукно деловые бумаги, потом перевернул и на задней стенке ящика тонким лезвием ножа поддел клеем замазанный гвоздь, вынул квадратную рейку, вытряхнул на стол в запаянном целлофане судовой журнал в коричневом твердом переплете.

– Фу-у, все цело, – прошептал Отто, внимательно рассмотрев особой формы запайку целлофана. Он опустился в кресло, не выпуская из рук заветной тетради большого формата. На моложавое, почти без морщин лицо с устойчивым африканским загаром легла зыбкая тень душевного успокоения, высокий чистый лоб разгладился от продолговатых складок над бровями.

– Посторонних людей в твое отсутствие приводил только твой любимчик Вальтер, – с долей сарказма на слове «любимчик» проворчал Карл, тоже опускаясь в прохладное плетеное кресло и закидывая ногу на ногу. Правая рука с плетью по-прежнему не знала покоя... – К тому же Вальтер... – хотел было явственно что-то добавить Карл, но отец резко прервал его:

– Ты имеешь в виду его институтских друзей? Но Вальтер не знает о существовании, а тем более о содержании записей в судовом журнале и об этой конструкции тайника.

– Разумеется, отец, коль скоро мы решили не посвящать его в эти подробности. – Карл легким поклоном головы успокоил отца. – Пока он с товарищами отдыхал здесь, в нашем доме, кабинет был закрыт, а ключи я держал при себе. Надеюсь, в листовке черномазых нет прямого намека на этот опасный документ? Не так ли?

– Да вроде бы и нет... Впервые эти чернокожие бандиты добрались до моего завода... От этого, должно, я так и взбесился, не привык еще к их атакам из-за угла. А надо привыкать, вижу, как дело с каждым днем ухудшается и движение нигеров набирает, к сожалению, силу. – Отто вынул из грудного кармана вчетверо сложенный лист второсортной бумаги, протянул сыну. – Прочти, может, и вправду не так страшно, как мне сразу показалось. А вообще, нашему правительству надо принимать срочные крупномасштабные военные меры, иначе будет поздно. Если жгучую крапиву не выдернуть сразу, еще чуть поднявшуюся и ласковую, то старую драть – руки жечь немилосердно...

Карл слегка прищурил темно-карие глаза, бегло ознакомился с текстом, в презрительной усмешке покривил губы, укоризненно покачал закинутой на колено ногой, выказывая пренебрежение к прочитанному, и Отто не мог понять, кого пеняет сын, чернокожих партизан или его за неуместное паническое поведение.

– Ишь ты – «Кто нами правит?», – прочитал Карл заголовок, набранный крупными черными буквами. – «Последыши Гитлера... создатели концлагерей и газовых камер... хранители нацистских реликвий и залитых кровью мундиров, убийцы стариков, женщин и детей...» Все понятно, – негромко констатировал Карл, пробегая листовку глазами до конца. – А-а, вот это, пожалуй, и насторожило тебя. – «Недобитые фашисты, отходя ко сну, не творят молитвы перед образом Господа, прося прощение за свои бесчеловечные злодеяния, а у портрета человечеством проклятого Гитлера читают детям и внукам кровоточащие мемуары, где превозносят до небес свои варварские преступления...» – Карл небрежно швырнул прокламацию на журнальный столик, где в хрустальной вазе благоухали свежие цветы – садовник Оффенман умел выращивать и подбирать в букеты цветы так, что глазу приятно останавливаться на них, особенно на любимых Дункелем тюльпанах...

– Ну и так далее, такую чушь, слово в слово, или почти слово в слово, едва ли не о каждом порядочном немце можно написать: воевал в Европе с жидами и коммунистами, значит, по известным их меркам непременно преступник, которого надо вешать на воротах собственного завода. Мы еще посмотрим, кого будут раскачивать здешние ветра! – Красивое лицо Карла при этих словах приняло злое, как у попавшего в западню волка выражение, с таким же непримиримым оскалом.

Отто ласково, словно плечо любимой женщины, погладил судовой журнал, легкая улыбка тронула тонкие жесткие губы.

– Да-а, ты, пожалуй, прав, сынок. В последние дни я действительно стал излишне раздражителен. Но на это есть свои причины, ты о них знаешь. – Он подошел к раскрытому в стене бару, налил из голубого пузатого сифона в хрустальный стакан шипучей содовой воды, медленными глотками выпил, грустно, но и с надеждой, как показалось Карлу, улыбнулся пришедшей, а может, и давно выношенной в сердце мысли и начал старательно упаковывать судовой журнал в тайник.

– Извини меня, отец, но зачем ты связываешь себя с этой далеко не безопасной тетрадью? – поинтересовался Карл, так и не дождавшись, что отец поделится с ним своими размышлениями. – Акций на ней не приобретешь. Разве что на старости лет попробуешь написать приключенческий роман о своей боевой молодости?

Отто задвинул ящик, крутнул потайное кольцо резной ножки стола, закрыл замок, подошел к Карлу, присел в кресло по другую сторону журнального столика, подвинул вазу, чтобы цветы не закрывали лицо сына. Напротив в окне при легком дуновении ветра лениво шевели-

лись зеленые листья деревьев, изредка в кабинет долетали птичьи голоса и размытый шум от проходившего по улице Германа Геринга транспорта.

– В этом судовом журнале зафиксировано мое служение великой Германии, с возможной точностью указаны координаты кораблей и транспортных судов, пущенных на дно торпедами моей субмарины... Иных заслуг у меня нет. Правда, кроме еще одной, в последние буквально военные дни. Пройдут многие годы, и от живых свидетелей той заслуги может не остаться ни одного человека, а в дневнике боевого корабля все зафиксировано. Поэтому, Карл, при новой возрожденной великой Германии этот журнал сослужит вам с Вальтером или вашим уже детям добрую службу. Но если он каким-то образом попадет в руки нашим нынешним союзникам и покровителям янки или англосаксам, – Отто даже плечами передернул при одной такой мысли, – клянусь водами священного Стикса! – они постараются повесить меня если не на воротах собственного завода, как о том мечтают черномазые, то на площади города наверняка! В журнале не менее двух десятков записей о потопленных судах и боевых кораблях... Последний из них – американский эсминец – пущен мною на дно уже после капитуляции, подписанной в Берлине гросс-адмиралом Деницем.

Карл встряхнулся, пораженный услышанным, резко поднялся на ноги, подошел к двери и закрыл ее плотнее.

– Без судового журнала янки, сколь ни крути меня по судам, доказать конкретно ничего не смогут. Утопленники и те не в силах опознать, с какой лодки вцепились им в борт роковые торпеды.

– Отец, ты мне прежде об этом эсминце ничего не говорил. Почему же именно сегодня...

Старший Дункель вслед за сыном поднялся на ноги, заложил за спину руки, вновь возбужденный, начал прохаживаться по кабинету вдоль стола, от распахнутого окна и до закрытой двери.

– На днях нам предстоит весьма важное и чертовски трудное дело, Карл. И ты должен знать все! Ну если не все буквально с этого конкретно часа, то по мере развития событий – почти все. Ты ведь присутствовал на последнем дне памяти нашего фюрера в Свакопмунде и шел в факельном шествии рядом со мной. И был не только из желания не оставлять меня одного, не так ли?

– Там были все, кто любит и чтит память великого фюрера, – ответил Карл, повернулся к портрету Адольфа Гитлера и вскинул руку в приветствии, идущим от сердца, а не в показном для рекламы киноролике: не перед отцом же ему угождать, на самом деле!

– Спасибо, сын. – Строгие глаза Отто потеплели, и что-то похожее на глубоко скрытое в сердце отцовское чувство нежности слегка увлажнило их. Он подошел, сухой ладонью потрепал Карла по голове, хотел поцеловать в лоб, но устыдился этой, женщинам присущей слабости, легонько хлопнул его по плечу. – В тебе я вполне уверен, а вот Вальтер... – Отто вспомнил младшего сына, невольно оглянулся, словно забыл, что второго сына в кабинете с ними нет. – После того торжественного марша по ночным улицам Свакопмунда нам, старым и верным друзьям фюрера, передали тревожное сообщение из Южной Америки.

Карл, одетый в спортивную светло-зеленую рубашу с короткими рукавами, прислонился спиной к раме окна. Здесь было прохладнее и не так душно, как в глубине кабинета. Скрестив сильные жилистые руки на груди, он слушал отца, не спуская с него глаз – сознание подсказывало ему, что этот день в их жизни особый, за ним последуют события, к которым отец готовил его, быть может, все послевоенные годы. Старший Дункель ходил и говорил, лишь на время останавливаясь, словно просеивал в памяти факты, которые можно было уже сообщить сыну, а другие надо пока попридержать в себе ради большей безопасности сына, да и всей их большой семьи...

Умолкли зачехленные пушки Первой мировой войны, победители поспешили делить богатый пирог, и Германия лишилась всех своих бывших колоний, и здешняя земля – Юго-Западная Африка перешла под мандат Южно-Африканского Союза, который сам являлся доминионом Британской империи. В Претории, столице Южно-Африканского Союза, суд и расправу вершил генерал-губернатор, а законодательная власть находилась в руках парламента, избираемого белым населением.

Стремясь хотя бы частично компенсировать утерянные сырьевые ресурсы, германские промышленники начинают активно внедряться в Южно-Американский континент, пытаются там обосновать если не земельную, то на худой конец финансовую империю. И весьма удачный почин такому проникновению положили выходцы из Германии во главе с предприимчивым бизнесменом Адольфом Швельмом. В центре континента, на границе Аргентины и Парагвая, сложилась довольно влиятельная немецкая колония в несколько сот предприимчивых деловых людей, которые весьма успешно внедрились в политическую и финансовую деятельность не только ближних южно-американских стран, но и с военно-промышленными концернами самой Германии, делавшими ставку на Гитлера и его нацистскую партию. Со временем здесь был оформлен мощный по своему влиянию филиал национал-социалистической партии. Основной задачей этого филиала была подготовка к оккупации Южной Америки войсками рейха, откуда Гитлер намеревался сделать бросок на север, против Соединенных Штатов Америки...

Но замыслам Адольфа Гитлера по завоеванию мирового господства не суждено было свершиться. Не внял он предупреждениям великого канцлера Бисмарка, который не без основания остерегал грядущие поколения немцев:

«Об этом (о нападении на Россию) можно было бы спорить в том случае, если бы такая война действительно могла привести к тому, что Россия была бы разгромлена. Но подобный результат даже и после самых блестящих побед лежит вне всякого вероятия. Даже самый благоприятный исход войны никогда не приведет к разложению основной силы России, которая зиждется на миллионах русских... Эти последние, даже если их расчленить международными трактами, так же быстро вновь соединятся друг с другом, как частицы разрезанного кусочка ртути.

Это – неразрушимое государство русской нации...»

Летом 1941 года дивизии Германской армии двинулись на Россию, в мае 1945 года, несмотря на ряд значительных побед в первые месяцы войны, Адольф Гитлер покончил с собой, а над поверженным Берлином было поднято победное знамя уничтоженной, казалось бы, России...

И тогда поселения немецких колонистов в Южной Америке и в Юго-Западной Африке превратились в надежные убежища для главарей разгромленного рейха, видных партийных вожаков, гестаповцев и прочих палачей, кому грозило неминуемое возмездие за преступления против человечества.

– Мне достоверно известно стало, – перешел от общих фактов истории к своей биографии Отто Дункель, – что капитан субмарины под номером 1-313, построенной в Швеции буквально в последние месяцы войны, был первым, кто вошел в устье южно-американской реки Рио-Негро. Сорок дней они шли от берегов еще сражающейся Германии, прежде чем высадились на аргентинское побережье.

– Но ведь тамошняя полиция могла их арестовать! – удивился Карл, взволнованно провел пальцами по волосам. – Как можно так рисковать, ведь это был, уверен, далеко не военный десант с прикрытием авиации, пушек... Их выдали бы американцам по первому требованию.

– Я уже говорил тебе, что наши люди в тех краях закупили обширные земельные участки, так что «непрощенные» гости прибыли вроде бы к своим родственникам, – улыбнулся Отто. – Да и люди на той субмарине были не из тех, кого хватают всякие полицейские сержанты!

На этих мужей американская разведка и сам президент Трумен давно положили глаз как на будущих союзников в новой войне с большевиками Москвы.

Отто остановился у края стола, задумчиво постучал костяшками пальцев о теплое сукно, и не стал говорить сыну, что американская разведка задолго до окончательного разгрома Германии разработала специальный план с кодовым названием «Рэд лайн» для того, чтобы укрыть от правосудия победителей высшие эшелоны военных и партийных боссов, в руках которых остались большие сокровища поверженной Германии, значительная часть которого была награблена в Европе и России.

– А-а, теперь я понимаю! Ты тоже спасал наших людей на своей подводной лодке! – догадался Карл, вспомнив слова отца о каких-то послевоенных событиях.

Что сделал он, фрегаттен-капитан субмарины, ныне лежащей на каменистом дне близ аргентинского побережья? Он получил личный приказ от гросс-адмирала Деница курсировать в обусловленном квадрате близ побережья Италии.

– Когда мой радист поймал последнюю зашифрованную телеграмму из бункера имперской канцелярии...

– Ого! – Карл снова не воздержался от невольного восхищения и, расцепив руки, потер ладонь о ладонь. – Из рейхсканцелярии? Тебе лично? От кого она была послана?

– Нет, не мне лично, – неторопливо ответил Отто. – Но по той шифрованной телеграмме я должен был подойти к побережью Италии в ее западной части, где скалистое место и мало населенных пунктов. И я выполнил приказ. Но когда мы всплыли на перископную глубину, чтобы осмотреться – буквально в семи-восьми кабельтовых от себя увидели американский эсминец! – Светло-голубые глаза бывшего капитана подводной лодки сузились, став почти бесцветными, словно страх риска вновь с ног до головы сковал его тело. – И похоже было, что тот эсминец не собирался покидать удобную бухточку. Тогда мне пришлось отойти от берега подальше, вне досягаемости его пушек, и всплыть на поверхность.

– Зачем? – не понял Карл и дернул бровями. – Ведь тебя могли догнать и забросать глубинными бомбами!

– Так нужно было! – сурово ответил Отто. Перед Карлом, твердо вышагивая по кабинету, теперь находился не владелец завода, совсем недавно порядком напуганный подпольной организацией чернокожих рабочих, а бывший капитан субмарины, не раз смотревший смерти в лицо. – Мы потом с моим штурманом Фридрихом Кугелем изрядно поудивлялись, как это янки стояли в бухте с выключенным гидроакустическим аппаратом и не засекли нас во время вхождения в бухточку! Наверно, чувствовали себя в такой же безопасности, как если бы пришвартовались к причалу в Гудзоне. Ну да черт с ними, сами же и поплатились за чрезмерную спесь!

– Как же вы от них сумели уйти? – Азарт той схватки давней невольно от отца передался и сыну. – Вы погрузились и...

– Клянусь водами священного Стикса! Мы даже и не думали от этих янки сматываться под воду! – задорно рассмеялся Отто и хрустнул стиснутыми пальцами. – Нам нужно было завоевать это место в бухточке, и мы его для своей субмарины завоевали! Пока эсминец разворачивался и ложился на боевой курс, я дал команду на срочное погружение и отошел на более глубокое место. Полдня эсминец гонялся за нами, будто плохо дрессированная охотничья собака за хитрым лисом, пока я не поймал его на очередном развороте. При глубине в пятнадцать метров я провел атаку четырьмя носовыми аппаратами, выпустив торпеды с интервалом в семь секунд. И две из них попали в цель! Когда всплыли под перископ, все было кончено: эсминец почти мгновенно ушел на дно. Переждали светлое время суток, а к ночи снова приблизились к бухточке и заняли свое законное место, чтобы выполнить приказ из рейхсканцелярии.

Отто Дункель стиснул руки за спиной, нахмурил брови. Холодные и будто чужие глаза уставились в лицо выжидательно молчавшего сына. Он, фрегаттен-капитан, помнил эту телеграмму до последней буквы: «С предложенной передислокацией в “заокеанский юг” согласен. Борман». Кому сообщал о своем согласии искать убежище в Южной Америке заместитель Адольфа Гитлера по партии, рейхслейтер СС Мартин Борман, он, Отто Дункель, разумеется, не знал, но подумал тогда, что адресованы были эти слова гросс-адмиралу Деницу, преемнику фюрера на посту рейхсканцлера. Но Карлу этого пока знать не обязательно.

– По этой телеграмме мне надлежало принять на борт субмарины группу важных людей, человек двенадцать или тринадцать. Сам знаешь, разместить их на подводной лодке не просто, тем более идти с ними более полутора месяцев, рискуя при ночном всплытии для подзарядки аккумуляторов столкнуться с военным кораблем победителей. Но Господь был к нам милостив. – Отто вздохнул, поспешно перекрестился. – Все сошло к счастью вполне благополучно.

Отто остановился у раскрытого окна рядом с сыном. В свои пятьдесят пять лет он все так же строен и подтянут, и только довольно заметная седина в темно-русых волосах да мелкая сеточка морщин у строгих глаз напоминали о минувших годах войны и о возрасте... Прикрыл веки, и на лицо будто снова пахнуло свежим морским ветром Атлантики, в уши ударил шум ночного моря у скалистого берега. Почудилось, что опять видит людей, которые вереницей поспешно сходят по трапу на временно оборудованный бревенчатый пирс под теми угрюмыми скалами. Ветер распахивает темные плащи, срывает с голов наброшенные капюшоны, а мелкий дождь смывает следы этих странных, словно от своей судьбы куда-то бегущих пассажиров с тяжелыми объемистыми чемоданами.

– Благодарю вас, фрегаттен-капитан! – Эти слова произнес тучный человек, которого все называли Августин фон Ланге. Но Отто Дункель по шраму над правой бровью – следствие автомобильной катастрофы – знал истинное имя своего нежданного гостя-пассажира. – Вы с нами, или возвратитесь в Германию еще раз?

– Я получил приказ доставить вас сюда... господин фон Ланге, – с некоторой заминкой, не ускользнувшей от улыбнувшегося пассажира, ответил Отто Дункель, едва не проговорившись. – На этом служба моего корабля и моя собственная... надеюсь, что временно, кончается. Сам имею намерение отбыть в Юго-Западную Африку, где по наследству от отца владею горно-обогатительным комбинатом. Семья уже отбыла в город Виндхук.

– Работайте, Дункель, на возрождение Великой Германии, для которой не все еще козыри биты! Германия возродится из руин, и возродится довольно скоро, ибо мы ушли с родной земли не нищими крысами. На вашей груди, «Железный Дункель» – кажется, так вас называл фюрер? – висит крест, полученный из рук великого фюрера! Так пусть и ваша душа отныне станет такой же крепкой, какой она была в годы великих испытаний немецкой нации. Ибо тот путь, который нам предстоит пройти, не менее труден уже пройденного. А я в свою очередь даю слово, что мы призовем вас, когда рейху снова потребуются ваши твердые руки и ваш боевой опыт. Хайль Гитлер!

– Хайль Гитлер! – торжественно повторил Отто, помог Августину фон Ланге сойти на мокрый причал, где его уже ожидали молчаливые спутники и несколько человек встречающих с лошадьми под седлами. Темные фигуры быстро пропали в ночной тьме среди скалистых расщелин, а потом, за шумом прибоя, Дункель недолго слышал отдаляющийся цокот копыт... «Вот теперь, пожалуй, и в с е кончено! Надолго ли? Сколько десятилетий пройдет, прежде чем мир услышит об этих людях?

Однако прошло каких-то три года, как буквально всех залихорадило от потрясающего сообщения! Из столицы Уругвая Монтевидео, по радио передали, что сбежавший от смертного приговора по Нюрнбергскому процессу Мартин Борман скрывается в северо-восточной части Аргентины, в провинции Мисьонес. По сообщениям газет, аргентинская полиция якобы обшарила всю провинцию в поисках Мартина Бормана, однако найти его так и не удалось. А

основанием для этих поисков послужило сенсационное сообщение эмигрировавшего из Германии в Чили господина Хейсляйна. Как заявил журналистам Хейсляйн, в один прекрасный день он отправился в гости к своему давнему другу, тоже эмигрировавшему из Германии и проживавшему неподалеку от границы с Аргентиной. Гостеприимный хозяин имения предложил Хейсляйну небольшую прогулку, пользуясь солнечной погодой и относительно умеренной жарой. В нескольких километрах от того имения неожиданно на дороге на них наехала группа внушительных всадников, одетых, правда, в пончо, а на головах широкие шляпы, какие носят, спасаясь от жары, местные жители. По давно приобретенной привычке повнимательнее рассматривать всякого, кто к нему приближается, Хейсляйн, сам того не ожидая, как ударом молнии был поражен увиденным, потому и не удержался от изумленного восклицания:

– Бог мой! Мартин Борман! Вот так встреча!

Перед ним, действительно живой, как утверждал рассказчик, был не кто иной, как рейхсляйтер СС Мартин Борман. Узнал его якобы и Борман, назвал по имени, круто осадил лошадь и с командой: «Назад, галопом!» – всадники быстро скрылись на аргентинской территории...

Молчание Отто Дункеля было продолжительным, Карл понял, что часть воспоминаний, которые нахлынули в данную минуту на отца, останутся для него пока что в тайне. Он принял это как должное и вернулся к началу разговора, к торжественному сбору почитателей фюрера в день его рождения, которое проводится ежегодно в городе Свакопмунде. Карл легонько тронул отца за локоть:

– Ты сказал, что из Южной Америки поступило тревожное сообщение. О чем оно, если не секрет?

– Уже не секрет! Не секрет, к великому сожалению – об этом трезвонят все либеральные и прокоммунистические газеты! – Отто резко повернулся лицом к саду, не удержался от приступа злости и больно ударил кулаком о подоконник. – Агентам израильской, если не ошибаюсь, разведки удалось выследить и схватить Карла Эйхмана!

– Я это имя слышал неоднократно. Кем он был при фюрере? – Карл видел, насколько снова разволновался отец этим сообщением, прошел к бару, налил из сифона стакан содовой, вернулся к окну, но отец отпил лишь глоток, оставил стакан с пенящимся напитком в руке.

– Карл Эйхман был одним из влиятельнейших людей имперского управления безопасности. Тем более удивительно, как он мог проболтаться совсем недавно на следствии, что партайгеноссе Борман жив, ушел из Германии тем же путем, что и он сам, через Австрию и Италию, потайными «крысиными» тропами.

Карл с понятным удовлетворением хмыкнул – теперь и ему стало ясно, кого именно забирал с итальянского побережья на свою подводную лодку фрегаттен-капитан Отто Дункель! Хотелось обнять отважного подводника с запоздалой благодарностью, но сдержался, потому как отец продолжил свою мысль:

– Но ему, Эйхману, и не было уже никакого смысла скрывать известие, что Борман жив. Полицейские ищейки среди многих писем к Эйхману выудили ту единственную открытку с одним лишь словом «Мужайся».

– Ну и что же? Ее мог послать кто угодно из родных или близких друзей, кто остался на свободе и следил за процессом. – Карл и сам начал было догадываться, однако хотел все же услышать подтверждение этой догадки от отца.

– На открытке стояла подпись: «Мартин». Эксперты без труда установили, что эти слова писаны рукой Мартина Бормана! Теперь за ним снова начнут настоящую охоту. Для нас потерять Бормана – потерять очень много, сынок! У него в руках огромные средства партии и связи как с самой Германией, так и со всем деловым миром, через доверенных людей, разумеется. Борман – один из видных знаменосцев нашей пока что нелегальной армии, через которую возродится рейх... Душа болит, газеты страшно открывать, того и гляди наткнешься на красный заголовок: «Мартин Борман наконец-то схвачен!»

Карл удрученно промолчал – выросший среди людей, преданных фюреру, с детства успевший впитать в себя идею Богом предназначенного господства Германии над остальным миром, он естественно болезненно пережил и крах своего кумира – Адольфа Гитлера, и крах великой Германии. Теперь, как и отец, он жил мечтой на будущее, а будущее, оказывается, во многом связано с легендарным теперь именем Мартина Бормана. Видя, что отец постепенно успокаивается, Карл прошел к журнальному столику, опустился в кресло, машинально отметив, что ветер на улице утих совсем, деревья замерли, умолкли птицы в ожидании полуденной жары, и только где-то в саду шумела вода из шланга – должно быть, старый Оффенман поливает клумбы...

– Ты сказал, что на днях нам предстоит весьма важное дело, – напомнил Карл, поглядывая на отца, который все еще о чем-то сосредоточенно думал, разминая в пальцах гаванскую сигару, вынутую из красивой коробки с нарисованными пальмами и с хвостатыми обезьянами на этих пальмах.

– Да-да, сынок, говорил. – Отто очнулся, потер лоб крепкими пальцами, с теплотой во взоре посмотрел на сына, который унаследовал от него так много внутренних и внешних черточек... Вот только глаза у Карла карие, как у Марты... Вспомнив трагически умершую жену, Отто взгрустнул: за пятнадцать минувших лет после войны вторично он так и не мог найти достойной замены Марте. Были длительные, иногда годами, привязанности, но ни одна из женщин, покорив его тело, не смогла покорить сердце. А может виной, или, вернее сказать, причиной тому, была его постоянная занятость – хлопотливые дела на заводе) в рудниках, заботы о воспитании и учебе детей – особенно его беспокоил вспыльчивый, вечно кидающийся в драку Карл, который ни в какой обстановке не считал нужным скрывать своей преданности идеалам Адольфа Гитлера. Вальтер – иное дело, рос тихим и послушным, но постоянно замкнутым в свой какой-то монашеский мирок. Много времени у него, старшего Дункеля, отнимали сенаторские обязанности, а тут еще поползли ядовитые слухи, что чернокожие надумали – да что там надумали! – по примеру партизан в соседней португальской Анголе создают вооруженные группы и намереваются воевать за избавление Намибии от власти белого меньшинства! Или, на худой конец, добиваться равных с ними прав.

– Сколько сил германская нация потратила на покорение славян, а своего так и не добились... А теперь и эти гориллы черномазые повылазили на свет божий с дикими идейками о равенстве! Сидите в своих резервациях живыми, ну и сидите! Ишь ты, равенства захотели!

В помойную яму мордами, в помойную яму! Чтоб знали свое место!!!

– Успокойся, отец! Всею свой черед! – Карл встал, подошел к окну. Хотя в доме и не держали прислугу из негров, но чужие уши – всегда чужие и ненадежные. Внизу у дальней клумбы с цветами тюльпанов возился седой садовник в тяжелых сапогах, чтобы водяные брызги не застудили стариковских склонных к ревматизму ног. Длинными и блестящими на солнце ножницами он сноровисто обрезал отцветшие головки и подсохшие листья. Рядом с ним сторбленный дворник Тюрмахер подбирал и аккуратно складывал эти обрезки в зеленое эмалированное ведро, которое таскал за собой вокруг квадратной клумбы.

– Я успокоюсь не скоро, – через силу улыбнулся Отто, обнял Карла за плечи, слегка прижал к себе. – Если, конечно, Господь дарует мне такое же завидное долголетие, как моему деду Генриху. Лишь на восемьдесят девятом году, за месяц до кончины, призвал он меня, тридцатилетнего своего внука для последнего слова... Отец мой Шульц в те месяцы лежал прикованным к постели, тебе было всего пять лет и ты этого, конечно, не помнишь... Так вот, призвал меня дед для последнего разговора, завещал родовое богатство, чтобы поднять наш дом на высшую ступень власти в Германии. Это было в тридцать пятом году. Ровно четверть века назад! И как знать, быть может, так и было бы, послушайся наши вожди пророческих предостережений Бисмарка, не ввяжись снова в губительную войну на два фронта... Россия перемолола лучшие дивизии вермахта. Нам просто-напросто не хватило людских ресурсов, чтобы

воевать с миллионными ордами азиатов и славян. А потому, сынок, не надо вновь повторять горькие ошибки прошлого. Я у твоего деда Шульца был единственным наследником, а будь нас человек пять-шесть, да так в каждой немецкой семье! Ого, сколько лишних крепких парней было бы в резерве Германии! Но дед твой Шульц в молодости крепко разбился, упав с лошади. Ему сделали операцию, и он не мог после этого иметь детей... Я чертовски рад, что твоя Эльза подарила мне четверых хорошеньких и крепких внуков. Пройдет время – а оно пройдет очень быстро, ты и сам не заметишь этого, сынок! – из них вырастут отличные солдаты. Я верю, что и эту нашу старую землю, временно отданную под опеку презренным англосаксам, мы снова отвоюем и возвратим под знамя великой прародины. – Отто вдруг остановился, смешно скривил губы, покаялся. – Что-то сегодня у меня слишком много патриотических мыслей и лозунгов.

– Наверно, время такое подошло, – улыбнулся Карл, перестал наблюдать за полуглухим дворником, отвернулся от окна, сжал отцу локоть и заговорщически подмигнул, сообщив как о большой тайне: – Эльза снова затяжелела, мечтает о девочке, себе помощнице.

Старший Дункель словно бы только теперь увидел в руке стакан, залпом осушил содовую, из которой почти улетучились пузырьки, одобрительно похлопал сына по крепкому плечу.

– Клянусь священными водами Стикса! Ты молодец, Карл! Вот только Вальтер никак не образумится. Двадцать три года парню, а он о женитьбе и не помышляет. Ну ничего, ему год осталось учиться в университете, а там я запру его на заводе, оженю на чистокровной арийской девушке – хотя бы у того же Гюнтера Цандера младшая дочь – что надо! И крепкая, вся в своего папашу «Бульдога». Розалия тоже сумеет нарожать нам полдюжины здоровеньких дункелят! Ха-ха!

Карл загадочно хмыкнул, хотел было что-то доверительно сказать, но не успел. У красивых, отлитых из чугуна ворот требовательно засигналила машина.

– Легок наш Вальтер на поминоку, – усмехнулся Карл. Он встал рядом с отцом и наблюдал, как из белоснежной машины на асфальт вышел молодой человек, белокурый, в белом полуспортивном костюме.

– Наш Вальтер – как новобрачный лебедь, – усмехнулся с ноткой сарказма в голосе Карл.

Вальтер между тем обошел вокруг машины, галантно распахнул сверкнувшую лучами солнца дверцу.

– С кем это он? Неужели с девушкой? – Сивые брови Отто Дункеля поползли вверх. – Вот так новость! Неужели и нашему Вальтеру бог Эрос напустил в голову опьяняющего тумана? Наконец-то! Ты знаешь эту девушку, Карл? Кто она? Из какой семьи?

– Неужели ты раньше ничего не видел и не догадывался? – теперь в свою очередь искренне удивился Карл. – Ну-у, тогда держись, отец, покрепче за подоконник...

* * *

Вальтер изнемогал... Блаженство, которое он испытывал от прикосновения к своим щекам, к шее, к затылку этих теплых и трепетных пальчиков, этот колдовской мед влажных, нервно пульсирующих губ мог представиться его пылкому воображению разве что в грезах весеннего сна, сравниться мог лишь с несбыточными мечтами о райской жизни!

Нет, тысячу раз нет! Рай – вот он, здесь, на земле, на опушке леса, где стоит машина, где на траве постлан небольшой коврик, а на низеньком походном столике из красного пластика стоит бутылка шампанского и легкая закуска... И цветы вокруг – райские, и пение птиц разве не райского происхождения?!

Вальтер словно растворился в лесном ветерке, слился с птичьим щебетанием не от трех глотков выпитого шампанского. Он опьянел от этих долгожданных слов признания, которые наконец-то, уткнув лицо ему в шею, прошептала Амрита:

– Вальтер, милый мой... ты очарователен... Ты как сам господь Кришна, или бог любви Прадйумна, сын господина Кришны...

– Что ты, что ты, Амрита, – зашептал смущенный и пораженный Вальтер, робко обнимая девушку – впервые за долгие годы знакомства, за годы, когда почти с детства росли и жили в одном доме. – Это ты несравненная богиня утренней зари, моя Аврора, моя Амрита... Дозволь, только губами, прикоснуться к твоей щеке...

– Можно, милый... мой милый. Я сама тебя поцелую... Вот, видишь, какая я сегодня смелая, да? Вальтер, что э т о со мною случилось, скажи? Ты старше меня, ты ученый, должен все знать... Скажи, это плохо, да? Ты не отвернешься от меня после этого? Не разлюбишь?

– Это очаровательно, Амрита, очаровательно! Расскажи мне про вашего бога любви, какой он?

– Наш бог любви Прадйумна очень красив и вечно молод, как сама любовь, как цветок розы, который только что распустил лепестки и куда еще не заглядывала ни одна пчела... и которому никогда не увянуть. Это случилось давным-давно, как пишут в наших священных книгах. За какое-то ослушание бог любви Кама был испепелен гневом господина Шивы, но так как люди не могут жить без любви, то он не исчез окончательно, а растворился в теле красивого и достойного человека по имени Васудевы. И для того, чтобы бог любви обрел новое живое воплощение, сам господь Кришна дал жизнь в лоне Рукмины, жены Васудевы. Поэтому новый бог любви и родился, как сын Кришны и прославился под именем Прадйумны. Поскольку отцом его был сам господь Кришна, он своей отвагой и красотой очень похож на господина Кришну... Ты улыбаешься, не веришь? Мне отец читал это в древних книгах с красивыми цветными картинками.

– Верю, моя богиня любви, верю. У вас очень красивые боги, я тоже видел эту книгу у твоего отца Али, он показывал мне рисунки... Мне кажется, что ты во сто крат красивее нарисованной Рукмины.

– Что ты, Вальтер! Возможно ли такое сравнение? Кто она и кто я, служанка в вашем доме, при кухне!

– Не спорь, Амрита! Ты – красивее! Она, должно быть, постарше тебя годами и не такая стройная... Скажи, милая, а что значит твое имя – Амрита? Как оно переводится на наш язык?

– О-о, Вальтер, мое имя из древней легенды...

– Я так и знал, догадывался, что ты вся-вся из легенды, иначе и не могло быть. Расскажи, прошу тебя. Мне хочется знать о тебе все-все!

Старенький дедушка Раджив рассказывал, когда я была совсем маленькой и любила сидеть у него на коленях... Индийская легенда говорит, что драгоценные камни красно-вишневого цвета – это капли амриты. Амрита – значит божественная жидкость, которая давала людям бессмертие. Однако боги решили так, чтобы амрита доставалась людям только в виде красивых драгоценных камней, тогда она утратит силу своего волшебства.

Вальтер засмеялся, поцеловал ее в губы, тоже красно-вишневого цвета, тоже волшебно-колдовские.

– Ошиблись, ошиблись древние боги! Ты живая и ты бессмертна! И я буду любить тебя и тоже стану бессмертным. О-о, моя несравненная Амрита! Еще один поцелуй, и меня унесет ветром, во-он туда, на вершину дерева... Можно?

– Молчи, молчи, Вальтер... Сегодня мой день, сегодня бог любви Прадйумна, похоже, вошел в мое тело... Ох, милый, обними меня, крепко обними, а то я закричу... от счастья и от боли...

– Не плачь, не плачь, я люблю тебя, жизнь отдам...

– Вальтер, что же теперь будет? Мы оба потеряли головы, ты и я, оба делаем что-то такое...

– Это счастье, моя Амрита, счастье... Пусть мы потеряли головы, но нашли друг друга. Нашли самих себя... Я люблю тебя, и мы никогда – никогда не расстанемся, не правда ли?

– Ни-ког-да! Даже на том свете, как говорят у вас, – прошептала Амрита, прижимаясь к Вальтеру, а тот собственного тела уже не ощущал.

– Какие у тебя хмельные губы, Амрита. А глаза – там искорки вспыхивают, когда я заглядываю в их глубину.

– Это горит мое сердце, Вальтер... Слышишь, как оно бьется? Вот сюда приложи руку. Не стесняйся, милый, теперь можно... Ведь я уже твоя, вся-вся твоя.

Под своей горячей ладонью Вальтер ощущает глухое биение молодого и сильного девичьего сердца, разбуженного первой весной любви. Большой палец руки невольно касается упругой груди Амриты, и Вальтер снова, в полусознании, склоняется к губам девушки, ее пальцы сцепились у него на затылке...

– Вальтер, Вальтер, ты видишь меня? Отчего у тебя глаза будто туманом затянуло?

– Амрита, я сойду с ума от нашей близости... Возможно ли такое счастье на всю жизнь? До последнего вздоха?

– Да, милый, да. Ведь ты меня не оставишь теперь? Не прогонишь от себя, как нехорошую женщину, ведь мы с тобой еще не обручены!

– Ни за что на свете! Даже если мне придется драться со всей несметной силой ада. Если погибну в этой драке, то и после смерти сверху или снизу, из-под земли, я не буду спускать с тебя своего любящего взгляда... Ну а не дай бог случиться обратному, что ты покинешь меня первой... Как несчастный Орфей за своей возлюбленной Эвридикой, так и я пойду вслед за тобой в царство сурового, но справедливого Аида³.

– Нет, Вальтер, нет! Я верю, что ты победишь своих врагов, как бог любви победил злого демона Шамбара!

– Расскажи, Амрита! Я хочу знать не только про своего Бога и его сына Иисуса Христа, но и про твоих богов! У вас их так много, и они все молодые, красивые.

– Да, Вальтер, молодые и красивые, как и ты сам... Не смейся, я говорю правду. Слушай. В те времена, когда только-только родился бог любви Прадйумна, жил на земле злой демон по имени Шамбара.

Ему свыше было предопределено быть убитым Прадйумной. Вот поэтому злой демон, зная о своей судьбе и услышав, что Прадйумна уже появился на свет, обернулся женщиной и коварно похитил десятидневного ребенка прямо из колыбели. Поднявшись над морем, демон Шамбара бросил младенца в страшные волны. Но того, кого защищает Кришна, никто не может убить; точно так же того, кому предопределено быть убитым Кришной, никто не может защитить...

Амрита тихо шептала в ухо Вальтера, ерошила и гладила его белокурые волосы, смотрела в нежно-голубые с туманом усталости глаза, ласково проводила пальцем по припухшим, впервые исцелованным губам Вальтера, снова и снова целовала их и рассказывала. Вальтер, бережно удерживая ее голову на своем плече, перебирал длинные темные волосы Амриты, вдыхал их аромат, смешанный с ароматом лесной поляны, тихо и счастливо улыбался, ниоткуда не ожидая жестокого удара судьбы по своей только что распутившейся любви...

– Когда Прадйумна убил злого демона, – закончила рассказ Амрита о боге любви, – все полубоги с высших планет стали осыпать его прекрасными цветами, в знак благодарности.

Вальтер повернул голову вправо, свободной рукой сорвал голубенький луговой цветок и воткнул его в волосы девушки. Амрита засмеялась, подняла голову с плеча Вальтера, глянула

³ Согласно греческой мифологии великий певец, сын речного бога Зара Орфей отправился в царство мертвых, чтобы упросить бога Аида отпустить снова на землю горячо любимую, но рано умершую жену Эвридику.

на круглые часики, которые на тонком кожаном ремешке были у нее на руке. Спихнулась с нескрываемым беспокойством:

– Ой, Вальтер, нам пора! Время к обеду. Отец хватится, что меня долго нет, да и матушка Ранджана браниться станет.

Вальтер обеими руками взял ее за голову, поцеловал в лоб, потом в губы и успокоил:

– Никто не вправе теперь бранить мою жену, пусть только посмеют! Я разделаюсь с ними точно так же, как наш бог любви Прадйумна разделался с негодным демоном!

– Вальтер, милый, неужели ты хочешь всем об этом рассказать? Раньше, чем мы с тобой обвенчаемся? – У Амриты красивые черные глаза округлились еще больше.

– Об этом я никому не скажу ни словечка, милая Амрита, но я скажу отцу, что делаю тебе предложение быть моей женой. А потом пойдем к твоим родителям, чтобы и они дали свое благословение.

Из леса словно бы потянуло прохладой. Амрита вдруг настороженно посмотрела на небо, наверно, там хотела найти причину неожиданно возникшего в душе ощущения беспокойства.

– Что с тобой, Амрита? Тебе плохо? Или ты очень устала, тогда лежи немного спокойно, отдохни, а я рядышком посижу...

– Нет-нет, Вальтер... Так, почудилось что-то, но ты не бери в голову, все будет хорошо... Живо собираем вещи и – в машину!

* * *

Вальтер распахнул дверцу, подал руку, и рядом с ним оказалась высокая, как и сам Вальтер, стройная смуглокожая красавица.

– С кем это он? Карл, объясни мне, откуда она взялась? Майн готт, да она не белая! – Отто Дункель с трудом шевелил словно окаменевшим языком.

– Да это же Амрита, дочь нашего повара Али и тетушки Ранджаны, – ответил Карл, не переставая удивляться неосведомленности отца в делах семейных. – И они давно тянутся друг к другу. Неужели ты прежде не замечал, как загорались у Вальтера глаза, когда на обеденный стол накрывала тетушка Ранджана и если ей помогала Амрита... Она довольно мила и словно создана для любви. Посмотри, отец, она не идет, а словно плывет над землей! Черт побери, как красиво они смотрятся рядом – белокурый Вальтер и черноволосая смуглая индуска.

Отто Дункель, потрясенный увиденным до «киля», как сказал бы о нем теперь бывший штурман подводной лодки Кугель, смотрел в распахнутое окно: Вальтер и Амрита шли по асфальтированной дорожке рядом, сами того, быть может, не замечая, что то и дело соприкасаются руками, непроизвольно стремясь продлить эти упоительные мгновения близости... Отто наконец-то понял, что уже случилось или вот-вот должно случиться страшное и непоправимое бесчестие для его чистокровной арийской семьи, чем он прежде так гордился и всегда ставил другим в пример...

– Ну уж не-ет! Клянусь священными водами Стикса! Арийская кровь – она и есть арийская, даже здесь, в Африке! Тем более здесь, в Африке! – добавил Отто, пристукивая кулаками о подоконник. Задохнувшись от приступа ярости, он словно оглушенный бык тряхнул головой и быстро пересек кабинет, сильно толкнул тугую массивную дверь.

– Отец! – услышал он за спиной испуганный, настороженный возглас старшего сына и на секунду задержался у порога. – Не руби сгоряча, по живому... Дай молоку остыть, а потом и снимай пробу. Любое запутанное дело можно постепенно распутать и не порвать драгоценных нитей, только делать надо это с холодной рассудительностью. Тем более что речь идет о нашем Вальтере, а не только об индуске Амрите и ее родителях!

Отто Дункель, мысленно все еще бегущий вниз словно разъяренный тигр через тоннель на арену гладиаторского цирка, обернулся к спокойному внешне Карлу пылающим «святым»,

как казалось, гневом лицом – короткие усики дергались, потому что губы не могли принять положенного им места. Он поймал скользнувшую по лицу Карла многозначительную усмешку, когда произносил слова, что речь идет об индуске...

– А что, если у Вальтера это обычный мальчишеский флирт, без серьезного последствия? А мы, не разобравшись, как два необузданных в гнев Зевса, начнем метать разящие молнии на его неприкрытую шкурой немейского льва голову... Скажет: «Вы что, взрослые, взбесились оба в самом деле?» И перед тетушкой Ранджаной неудобно будет, она выкормила, можно сказать, нас с Вальтером. – Карл говорил тихо, со смехом, хотя глаза были строгие и совсем не веселые, как будто он был на все сто процентов уверен, что у младшего брата это как раз не легкий флирт, а очень и очень серьезно.

– Ты прав, Карл, спасибо. – Так же быстро успокоившись, как и вспылал, Отто довольно угрюмо кивнул сыну в знак признательности. – Ну, идем. По моим часам пора обедать.

Карл пошел следом за отцом, на лестничной площадке догнал и с запозданием снова спросил:

– Ты так и не сказал, какое дело предстоит нам на этих днях. Здесь, в Виндхукке, или ехать куда придется?

– За столом и закончим этот разговор, – неопределенно ответил Отто. Видно было, что появление Вальтера с Амритой вот так, на глазах у всей прислуги и родителей, сильно выбило его из привычной колеи: неспроста это и не по-ребячьи это смотрится.

В светлом обеденном зале пробили часы, и по строгому распорядку в доме за столом собралась вся семья. Из детского крыла коттеджа появилась полнотелая, но сохранившая изящные манеры и былую привлекательность, с приятным цветом лица Эльза, а вместе с нею и четверо ребят, с разницей в возрасте, словно нарочно, через два года, так что самому маленькому Фридриху на днях исполнилось всего год и пять месяцев.

На стол накрывал Али, гибкий, расторопный и лицом почти такой же, как и три десятка лет назад. Тогда по знакомству с этим индусом Шульц Дункель, летом наезжавший с семьей в Виндхук, принял его в дом вместе с женой.

Весь обед Вальтер без конца и с явной надеждой поглядывал в сторону кухни, откуда с блюдами появлялся Али, словно ждал еще кого-то, но супницу на большом подносе принесла тетушка Ранджана. И взгляд, который она мельком бросила на смутившегося Вальтера, был полон материнской нежности и в то же время с какой-то затаенной тревогой. Покончив с едой, Вальтер нетерпеливо вытер салфеткой припухшие губы, с недоумением начал присматриваться к отцу и старшему брату. Вообще у них за столом не принято болтать попусту, но сегодняшняя тишина отдавала чем-то пугающим. Даже ребяташки, поглядывая на угрюмого, с насупленными бровями деда, ели молча, без толкания ногами исподтишка под столом.

– Вы что это... такие сердитые сегодня? – не выдержал и спросил Вальтер. Счастливым, распираемый вспыхнувшей в нем любовью, он готов был петь во все горло и обнимать весь мир, белых и черных, желтых и рыжих... Он спешил домой в полной уверенности, что его переход из юноши в мужчину заметят все, тем более многоопытный отец и старший брат – ведь что-то должно было измениться в его лице, в жестах, в поведении, в глазах, наконец! Ждал, что отец подойдет, возьмет ладонями за голову, посмотрит в эти самые сияющие счастьем глаза и с понимающей улыбкой скажет: «Ого! Нашего полку прибыло! Т е п е р ь ты доволен жизнью, сынок?» Но, похоже, отец и брат не захотели замечать происшедших в нем перемен, таких разительных, что их просто невозможно не заметить! Что-то другое их так озаботило, но что именно?

– Случилось в доме что-нибудь? – снова с долей обиды и досады в голосе спросил Вальтер и посмотрел на племянников – вроде бы здоровенькие. Старший Курт озорно подмигнул ему, дескать, у них все в порядке, а младшенький, измазавшись в каше – ел с тарелочки сам – не отреагировал на беспокойство дяди Вальтера.

– В эту пятницу отбываем поездом в Порт-Элизабет! – неожиданно и непреклонным тоном объявил Отто Дункель, поочередно всматриваясь в лица домочадцев.

Всеобщее изумление было таким, будто им сообщили о стремительно идущем на город новом всемирном потоке.

– Что-о? – Карл и Вальтер спросили почти одновременно, но каждый со своей интонацией: Карл с интересом, словно радуясь возможности сменить образ жизни, а Вальтер с испугом – не ждал такого вообще! И Эльза, побледнев, но безмолвно потянула к себе маленького Фридриха, как если бы ему первому угрожала невидимая пока опасность.

– Эльза с детьми остается дома. А мы втроем отправимся в Порт-Элизабет, через всю Африку, – добавил Отто, увидев, как взволновалась сноха, но с чисто немецкой исполнительностью не сочла возможным вмешиваться в решения старшего в доме.

– Более полутора тысяч километров на колесах?! – Пораженный Вальтер с надеждой посмотрел на старшего брата – может, Карл попытается отговорить отца от такой несвоевременной затеи: именно сегодня ему ну никак невозможно расстаться с Амритой! Им еще столько надо сказать друг другу... И вдруг нашел спасительный, казалось, предлог. – Но мне скоро возвращаться в университет! Не могу же я...

– Я договорюсь с университетским начальством, – прервал сына все тем же непреклонным тоном Отто, отлично понимая, что своим решением основательно ломает планы младшего сына. Но решение он принимал не только ради спасения Вальтера от негаданного увлечения. Железный Дункель вынашивал эту мысль едва ли не все послевоенные годы, и вот теперь надо ее воплощать в дело, откладывая дальше некуда! – Если мы задержимся дольше необходимого, тебе дадут возможность ознакомиться с пропущенными лекциями. Дело идет о нашей общей судьбе, о выживании нашего рода. Поверьте, в противном случае я не стал бы этого предпринимать, отрывая Карла от семьи, а тебя, Вальтер, от... – Старший Дункель замолчал, поймал взгляд сына, впервые дав понять, что и ему кое-что уже известно, но закончил вполне безобидной фразой: – От предстоящих занятий в университете.

Вальтер с большим усилием над собой взял нужный тон нелегкого, он это понимал, разговора с отцом. Он понял, что вопрос о его свадьбе с Амритой отец решил отложить на несколько месяцев. Ну что же, это лучше, чем вполне возможное сегодня же решительное «нет!» браку с девушкой индуской. «Отец надеется, что я отстану от Амриты, если не буду видеться с ней это время, – догадался Вальтер. – Но разлука только усилит мою любовь к ней. И он поймет все это, когда мы возвратимся и я твердо заявлю в своем намерении...»

Положив салфетку на стол, он, внешне владея собой, спросил:

– А из Порт-Элизабета куда направимся?

– На подобный вопрос один мудрец ответил примерно так: «Тот, кто бросит якорь там, в конце пути, тот и увидит». Наша одиссея обещает быть не менее увлекательной! Это я вам обещаю. Увлекательной, но и весьма полезной для компании.

– Только бы не уподобиться нам спутникам великого путешественника из Итаки. Помните, у певца древности Гомера в начале поэмы есть такие слова... – Вальтер прикрыл глаза, чтобы лучше сосредоточиться, и процитировал: – «Сами гибель они на себя навлекли святотатством, безумцы, съевши быков Гелиоса, над нами ходящего бога, – день возврата у них он похитил...» Или мы отправимся добывать китовый жир для моих милых племянников? Если так, то надо брать большой сачок ловить китов! – И Вальтер улыбнулся озорному Курту: ишь, не сидится ему на месте, готов бежать на улицу и носиться до ночи на велосипеде, пока отец не разрешает садиться за мотоцикл.

– Нет, мы отправимся не в Антарктиду, – усмехнулся Отто, радуясь, что и Вальтер не поставил ребром своего вопроса, накалив семейную обстановку до предела, что могло сорвать задуманную и теперь крайне необходимую поездку «в гости» к владыке океанов и морей Посейдону. Крепко надеялся, что время, новые встречи и впечатления помогут сыну избавиться от

колдовских чар индуски. Твердо решил, до нужного часа не раскрывать сыновьям конечную цель задуманной поездки. – У вас четыре дня на сборы и на... расставания. – И совершенно неожиданно объявил: – Да, кстати, вы читали о том, что в парламенте Южно-Африканского Союза серьезно обсуждают вопрос о репатриации из страны всех индусов, китайцев и прочих желтых, понаехавших сюда в поисках работы?

– Как же это так – репатриировать индусов и других? – искренне удивился Карл, пожимая плечами: за газетными новостями он, как правило, не гонялся, довольствовался биржевыми ведомостями. – Возьми хотя бы этих индусов! Ведь абсолютное большинство из них переселились к нам, убегая от англосаксов довольно давно. А иные и родились здесь... Я где-то вычитал, что индусов в стране проживает не менее четырехсот тысяч человек! Ого, сколько будет слез и трагедий! Появились и смешанные браки, им как быть?

– Ну и что? – довольно резко отреагировал на эти цифры Отто. – Это их слезы, их трагедии, а не немцев! Тут не знаешь, как удержать в ежовой узде нигеров, а вдобавок еще азиаты всякие поналезли, вместе с черномазыми создают профсоюзы, одним лагерем против белых хозяев выступают, о своих каких-то правах теперь начинают заявлять! Хотят иметь права – пусть едут на свою землю и там бастуют против англосаксов! – И замолчал, потому что за спиной открылась дверь и в столовую бесшумно вошел Али с кофейником и с подносом. Когда ставил на стол фарфоровые расписные чашечки, пальцы слегка подрагивали и глаза у Али были опущены.

«Услышал, дьявол! – с досадой подумал Отто и укорил себя: – Надо сдерживать эмоции, черт побери! Совсем сдали нервы. Да и как не сдать им – что ни день, то скверные новости! Эйхмана изловили, Бормана словно гончими собаками преследуют, едва уходит от них! А тут еще эти черномазые партизанские шайки не на шутку развили активную деятельность в диких горах и в поселках, где живут под надзором полиции черные рабочие...»

В последний день памяти фюрера, в Свакопмунде, на кулуарном совещании старой гвардии было решено, что настало время срочно раздобыть средства и завербовать в Западной Германии достаточное число людей, прошедших службу в вермахте, и особенно в гестапо, пообещав им ежегодное приличное жалование или земли здесь, в Юго-Западной Африке. А в этой земле есть все – железо, алмазы, золото, олово, медь. Вокруг роскошные пастбища – есть чем владеть и есть что защищать, были бы только руки и оружие в этих руках!

«Необходимо изыскать средств как можно больше! Здесь ли среди коренных жителей, выходцев из Германии, в Южной ли Америке или в Европе, особенно в достаточно окрепшей уже экономически Западной Германии. Кто больше даст денег в укрепление национальной экономики и, стало быть, в избавление второй родины от начавшейся американской финансовой экспансии и от возникающей прокоммунистической заразы, тому и владеть в здешних краях богатствами, управлять политикой в независимом государстве!» – таков был подспудный лейтмотив прозвучавших выступлений в Свакопмунде.

Наличных денег у Отто Дункеля на данный момент не так много, хотя завод работает и не без прибыли, однако есть нечто такое у него про запас, что... Вот тогда-то он не удержался и весьма неосторожно – должно быть, под влиянием выпитого коньяка! – несколько преждевременно похвастал:

– Года через два-три янки намерены основательно прижать меня в Цамебе! Их без крепкой драки там не сдержать. Ну да мы им еще покажем, на что годны истинные немцы! Клянусь священными водами Стикса! – когда у меня появятся в руках не менее двух десятков миллионов фунтов стрелингов, да не в бумажках, а, скажем, золотишком... или алмазными камешками, тогда... – И он поперхнулся не шампанским, а собственными словами, поймав на себе несколько восхищенно-завистливых взглядов. Друзья восприняли эти слова как паянное бахвальство бывшего вояки, за которым, правда, тянулся довольно длинный и темный след

прошлого. Некоторые восторженно закричали: «Браво, Отто! Пьем за будущие миллионы!» Но довольно скоро он понял, что не все восприняли нечаянно вылетевшую фразу за пустой звук, кое-кто из присутствующих знал, что бывший фрегаттен-капитан имел секретное поручение, а... это могло быть и скрытное перемещение в укромные места золота и драгоценностей из запасов Германии. «Не о них ли была та неосторожно вырвавшаяся фраза?» – так подумали в роковую минуту если не все, то некоторые из давних знакомых Дункеля.

– Черт побери, господа! – выкрикнул толстенький Иоганн Шрейбер, бывший штандартенфюрер. – Этот Железный Дункель постоянно удивляет нас то своим загадочным прошлым, то не менее таинственным будущим! Клянусь и я водами его подземной реки – мы еще будем присягать премьер-министру Дункелю! – И Шрейбер, притушив настороженный блеск серых, по-волчьи безжалостных глаз, через стол потянулся к Отто с полной рюмкой коньяка. – Да здравствует великая Германия и свободная Юго-Западная Африка со своим премьер-министром! К черту англосаксов и их губернатора!

Отто попытался отделаться шуткой, что в премьеры найдется более достойный человек, хотя бы и Мартин Борман, который еще довольно крепок телом и душой в свои шестьдесят с небольшим лет...

– Дружище Али, ты разобьешь дорогой сервиз, – через силу пошутил, улыбаясь, Отто и, похлопав старательного повара по руке, успокоил: – При всех переменах в политике нашего правительства в Претории тебе и твоей семье бояться нечего. Ты понял меня? Мы живем в Виндхуке, а не там, в Южно-Африканском Союзе, хотя англичане и присматривают за нами не без злобы.

Али склонился в почтительном поклоне и спиной к двери отошел от стола.

Вальтер сидел, стиснув пальцы рук на коленях, скрытых под столом. Его несколько растерянный взгляд проводил индуса до кухни, скользнул по накрытому столу, проследил за Эльзой – она повела ребятишек из столовой в спальню отдыхать после обеда, – потом уперся отцу в белый кончик носового платка, который аккуратно выглядывал из нагрудного кармана светло-серого пиджака. Отто, стараясь держаться непринужденно и в то же время выказывая себя понимающим отцом, сказал душевно:

– Я не против твоего юношеского увлечения. Амрита – чудесная девушка, слов нет... Но ты должен в первую очередь думать о своем будущем. И о будущем нашей родины – Германии! Для меня служение великой Германии никогда не было пустым звуком или пьяной похвалой... – сказал и умолк, считая, что этим можно и закончить тему разговора, принялся допивать горячий кофе, бережно отхлебывая из чашечки с голубыми розами по кругу.

Карл, опасаясь, что Вальтер может сорваться и тогда скандала в семье не избежать, наклонился к младшему брату, доверительно пожал ему руку. Глаза его заискрились.

– Я немного завидую, тебе, братишка! Черт побери – на конце колючей ветки вдруг распустился такой ароматный цветочек! Просто грех пройти мимо и не сорвать!

Вальтер недоверчиво глянул брату в глаза – не насмехается ли?

И как это надо понимать – «сорвать» цветочек? Неужели они думают, что он способен на нечестный поступок по отношению к Амрите? Готов был резко ответить на эту неуместную пошлость Карла, но сдержался, заговорил о том, о чем упомянул отец.

– И я думаю о своем будущем, – негромко, но довольно твердо сказал он, не поднимая взгляда выше кончика платка, словно опасаясь прочесть в глазах отца не то, что он говорит словами, а о чем затаенно думает. – Только... – и умолк, потянулся к недопитой чашке.

Отто изогнул лохматую бровь, нервно провел пальцами по жестким коротко остриженным волосам. У рта четко залегли складки. Спросил тихо, но так, словно бы выстрелил из пистолета с глушителем:

– Что – «только»?

Вальтер несколько секунд молчал, потягивая кофе и стягивая нервы в тугий узел, потому и сумел уклониться от вопроса-ловушки.

– Только чтобы служить тебе и великой Германии, отец, сначала надо хотя бы закончить университет. И еще у меня есть желание пошире изучить международное юридическое право в Европе или в Америке.

– Учись! Я с радостью дам тебе возможность изучить международное право, экономику, финансы, чтобы нам всем троим легче было крутиться в этом хищном мире! Не мною первым сказано, что в политике мораль отсутствует, ибо выживает только сильнейший из неспасаемых одиночек! Или вот так, единой семьей, как мы. Наши финансовые противники душат меня, где только могут, наплевав при этом на всякую мораль! Ну и мы им отвечаем самонаводящейся торпедой в звездно-полосатое брюхо! Янки взяли под контроль большую часть Цемебского комплекса медно-свинцовых месторождений. Они финансировали тридцать миллионов фунтов стерлингов на разработку руды, на постройку порта и железной дороги от рудников до побережья. Кое-кто из владельцев акций нашего комплекса начали поговаривать о вложении денег в американские заводы, не надеясь, что мы выстоим в жестокой конкуренции с американцами. Чтобы не разориться, нам придется скупить акции, если вдруг они пойдут на рынок... Вулкан еще не дымит, но я голой пяткой чувствую поднимающуюся температуру и содрогание пока что глубинных слоев земной коры.

Вальтеру хотелось напрямую спросить: «Отец, а при чем тут моя любовь к Амрите?» – но он выжидательно молчал. Хотелось знать, какая связь этих откровений отца о грядущих бедах на рудниках и предстоящей поездки в далекий Порт-Элизабет, а может, и еще куда дальше? Открытым непослушанием и упрямством он только навредит себе и Амрите. Вот когда у него на руках будет диплом, он подыщет пристойное место для службы, желательно вне пределов южной Африки, приобретет финансовую независимость от отца и брата, тогда и Амриту с родителями можно забрать к себе, а пока...

– Ближайшие два-три года, пока янки не запустят свои заводы на полную мощность, мы еще продержимся без особых хлопот. Но потом – кончится обогащение руд, кончится и наше обогащение, завод пойдет на распродажу... Дай бог оставить за собой хотя бы этот дом-пристань близкой старости. – Отто вздохнул, что-то прикинул и поразмыслил вслух: – Хотелось бы поискать надежных партнеров-инвесторов в Европе. Как только возвратимся домой из задуманной поездки, обязательно возьму вас в Германию. Наверно, скучаете по родине, а? Ведь вы родились там, в Берлине! Хотя тогда, в сорок пятом, тебе, Карл, было пятнадцать лет, а Вальтеру пошел только девятый год... Надо же, полтора десятка лет минуло с того черного мая, а будто все это было только вчера. – Отто вдруг резко опустил голову, словно побоялся, что на глаза выступят слезы тоски и горечи утраты и дети увидят его слабость.

Сыновья сочувственно переглянулись. Старший заговорил первым, будто хвастаясь перед младшим, что и на его долю выпала возможность кое-что сделать для отечества и великого фюрера:

– Ты прав, отец. И я отлично помню, как в ночь на второе мая мы по приказу Аксмана⁴ прикрывали небольшую группу прорыва, которая уходила из бункера имперской канцелярии по Фридрихштрассе. Русские пулеметчики прижали нас очередями около моста Вайдендамм-брюке, и мы, как тараканы, расплзлись по развалинам ближних домов и сидели там до рассвета...

– А группа прорыва? – заинтересовался Отто и поставил на стол пустую чашечку, с интересом посмотрел на оживившегося Карла, по рассказам людей на субмарине, те, что были в окружении Мартина Бормана, они тоже уходили из бункера именно этим маршрутом. И что вместе с ними был и личный врач Адольфа Гитлера Штумпфеггер, государственный секретарь

⁴ Руководитель военизированной юношеской организации «Гитлерюгенд».

по пропаганде доктор Науман, адъютант Геббельса Швагерман. Был с ними и Аксман со своим адъютантом Вельтцином. Не все прорвались, кое-кто либо погиб, либо повернул вспять или сдался патрулям победителей...

– Группу прорыва прикрывал новенький «Тигр». Мы слышали шум боя, сильный взрыв. Но уже не до того нам было – снимали с себя мундиры и, полуголые, пробирались по домам. Я хотел сократить путь и воспользоваться переходами метро, но по чьему-то приказу из канцелярии метро уже было затоплено, чтобы эти варвары русские не прорвались в район рейхстага...

– Замолчи, Карл! – вдруг пронзительно вскрикнул Вальтер, словно ему в спину вонзился острый тамагавк индейца. – Замолчи, или я... я ударю тебя! – И вскочил на ноги, побледнев до такой степени, будто тысяча вампиров разом потянули из него кровь.

Отто тоже резко встал, готовый взорваться гневным окриком, но увидел, что творится с младшим сыном, увидел его пальцы, судорожно, словно пеньковую колючую петлю, рвущие галстук, затянутый на шее, и разом успокоился.

– Вальтер, ради бога! – Отто не на шутку встревожился за младшего сына – чего доброго, может и паралич ударить! – Ну разве можно так себя изводить? Ведь столько времени прошло! – Оглядевшись на опустившегося в кресло сына, он поспешил к шкафу, со стеклянной полочки взял пузырек с нашатырным спиртом и поспешил на помощь Вальтеру, который бился в приступе нервного припадка.

– Ненавижу у-у! – Вальтера били частые волны судороги. Он то хватался за край стола и натягивал на себя скатерть, то цеплялся за пиджак Карла, который безуспешно старался поднять и посадить его на диван у раскрытого окна в сад. – Ненавижу Берлин! Ненавижу воду проклятой реки Стикс, я уже купался в ней! В том царстве воздух и камни пропитаны людскими проклятиями... Уйдите все! Уйди-и-ите! Мама-а! – И он словно годовалый ребенок, насмерть обиженный чужими людьми, зашелся в беспомощном облегчающем душу плаче...

Отто наконец-то смог приложить ему к носу пропитанную нашатырным спиртом вату, Вальтер закашлял, дернул головой несколько раз, отворачиваясь от вонючей жидкости. Закрыв глаза, он сделал несколько глубоких вдохов и постепенно затих, покорно дал отвести себя к дивану и лег на подушку, подложенную Карлом под голову, которую как будто накрыли раскаленным чугуном...

На крик в столовую вбежала перепуганная тетушка Ранджана, захлопотала около все еще всхлипывающего, по-детски беззащитного Вальтера, приговаривая на смешанном англо-немецком языке да изредка вставляя и свое родное словцо. Она заботливо укрыла младшего Дункеля тяжелым пледом из верблюжьей шерсти, махнула хозяину рукой, чтобы не беспокоили младшенького всякими неприятными разговорами.

– Идем, Карл, тетушка Ранджана лучше нас о нем побеспокоится. – Отто сокрушенно и с нескрываемым разочарованием вздохнул, внимательно посмотрел на по-прежнему бледное лицо сына, взял старшего за плечо. Когда поднялись в кабинет, из груди вырвалось горестное признание, которое можно сделать только родному сыну:

– Беда мне с Вальтером! Ну какой из него при крайнем случае солдат? Ведь он совершенно не способен на решительный поступок. И теперь вот, видишь – только вспомнил давнее... – и умолк, остановившись у окна, стараясь свежим ветерком охладить разгоряченную голову.

– Зато какие это воспоминания, отец! – пожалел младшего брата Карл, невольно передернувшись всем телом. – У бывалых солдат в пять минут волосы становились седыми, что же тогда говорить о ребенке, на глазах которого сотни людей гибли в ледяной воде... И ему с мамой едва не пришлось там остаться. – Карл встал рядом с отцом, взгляд словно застыл на зелени деревьев, потому что листва ему вдруг показалась не приятной взору, а черной и губительной, как воды реки Шпреи, хлынувшей в утробу берлинского метро. Поразмыслив над минувшим, тихо, как бы извиняясь перед теми, кто не выжил, добавил: – Мы стреляли в

русских солдат, фаустпатронами жгли их танки и машины, а они, рискуя сами не выбраться из-под земли, спасали наших матерей и братьев из действительно проклятых вод реки Стикс...

В то утро я едва успел пробраться домой, как через полчаса принесли еле живого Вальтера и привели под руки почти помешанную рассудком маму... С этими же соседями пришла русская женщина-санитарка. Как сейчас вижу ее восточные раскосые глаза, смуглое лицо, свежие ссадины на лбу, исцарапанные руки, а в пальцах белые-белые бинты... Вальтера какой-то пожилой солдат оторвал от верхних поручней вагона – вцепился мертвой хваткой, а когда его отрывали, он вырывался, кричал и бил ногами по воде. А куда бежать, если вода была, как вспоминала матушка, ей уже выше пояса...

Марта так и не поправилась после того страшного нервного потрясения и купели в холодной воде. У нее открылось воспаление легких, лечить было негде – все больницы разбиты, лекарств почти никаких, и через три месяца ее похоронили. Когда сердобольные соседи изготовили простенький деревянный памятник, кинулись искать подходящий портрет Марты. Карл вынул из альбома самую дорогую из фотографий – они снялись всей семьей, на фоне зеленого парка. Марта так и осталась перед грядущими поколениями – со счастливой улыбкой, правда, с несколько загадочной печалью в глазах, и голова ее чуть наклонена влево, где рядом с ней, ближе к сердцу, прижимался младшенький, любимый сынок...

Вальтера кое-как выходили и подняли на ноги, но всякий раз при одном только упоминании о берлинском метро...

После раздела Германии и Берлина, их дом оказался в Западном секторе, и Отто, под чужой фамилией вернувшись в Берлин, сдал дом в долгосрочную аренду с переводом платы на свой счет в Виндхук, забрал детей с собой. Перед отъездом побывали на могиле Марты, оставили денег кладбищенскому служителю, чтобы в день ее памяти не забывал положить на могилу белых роз, любимых ее цветов, и, как думалось, навсегда оставили родину. Но не выдерживал Отто и регулярно через каждые три года посещал Берлин, в пятидесятом году поставил красивый мраморный памятник с маленьким, из бронзы бюстом... И снова тоскует сердце, тянет побывать около Марты, вспомнить безоблачные радостные годы молодости, посетовать на уходящие в тоскливом одиночестве дни, когда сама жизнь пошла уже под необратимый уклон... И сколько осталось у него этих дней, встретит ли он еще такое же, нет, не такое, такого быть уже не может, но просто житейское счастье без нее, без любимой Марты...

– Обязательно поедem к маме. Только без Вальтера, – неожиданно поддакнул рядом Карл.

Отто вздрогнул – оказывается, он размышлял вслух, сам того не замечая. Провел ладонью по лицу, посмотрел в скверик около дома, согласился с предложением старшего сына.

– Да-да, без Вальтера. Вижу, ему надо успокоиться, да и вообще он кабинетный работник... Ну что же, пусть идет в науку. Стране потребуются свои новые доктора, адвокаты, юристы...

– Новые изобретатели Рауфффы⁵, – криво усмехнулся Карл и сам себе же пояснил эту кошунственную, казалось бы, мысль: – Похоже, нам и в этой стране без них не обойтись. В Юго-Западной Африке уже сейчас на одного белого приходится восемь чернокожих из племен банту, бушменов и готтентотов.

– Надеюсь, в скором времени мы избавимся от опеки англосаксов. На этой земле будут жить только немцы! Долой черномазых и желтолицых, им место только за колючей проволокой в резервациях! Великой Германии нужны богатые колонии, и мы завоюем их. Алмазы, ванадий, цинк, свинец, серебро и все остальное, что сейчас гребут себе англичане и наглеющие день ото дня американцы, пойдет в казну Германии! – Отто возмущенно хлопнул себя по щеке. – С ума сойти можно от злости – за один только год Лондон вывозит алмазов на два десятка миллионов фунтов стерлингов! Да на эти средства здесь можно содержать такую армию, что

⁵ Изобретатель печально известной «душегубки».

нигеры из-под земли носа высунуть не посмеют, не то чтобы за оружие браться и стрелять из-за угла. Южно- Африканский Союз в лучшем случае может быть нашим партнером в войнах с нигерами. Ничего-о, – и он невесть кому погрозил кулаком, – мы еще вам не один Дюнкерк, не одни Арденны устроим. Или то и другое вместе! Но для этого нужно золото, Карл, много золота! Все боссы партии сейчас озабочены добыванием денег. Будут деньги, будут новые солдаты, будет оружие и будут над этой землей развиваться знамена нового великого рейха! А ведь здесь лежат кости наших предков – первых колонистов! – От высоких слов Отто неожиданно даже для Карла перешел на личные заботы и помыслы: – А теперь мне, и весьма срочно, нужны наличные деньги. Не один и не два миллиона! Нужны для реконструкции завода, для новых рудников и для большой карьеры. В политической борьбе, Карл, как в яме с тигром – кто с кого первым спустит шкуру! – Неожиданно Отто, стукнув правым кулаком в левую ладонь, откинул красивую голову, раскатисто и беззаботно рассмеялся, впервые с раннего утра, когда сам в образе тигра примчался в Виндхук с завода в Цамебе. Карл вскинул на отца вытаращенные глаза – с чего бы это веселье?

– Та-ак, – задумчиво протянул Карл и поскреб подбородок. – Я понял тебя – мы отправляемся на добычу золота или алмазов... Тогда почему в Порт-Элизабет, а не на поиски копий царя Соломона? Не на пустом же месте родились легенды об этих несметных кладовых драгоценного камня?! Вон сколько шахт понарыли во владениях не менее знаменитой царицы Савской! Или тебе известно место потайное, где лежит... – и не договорил, умолк, увидев, как насторожился отец, словно прислушиваясь к чему-то недоброму.

Отто действительно вдруг резко обернулся, словно бы кожей затылка почувствовал на себе враждебный подстерегающий взгляд – так бывалый солдат чувствует, когда его берет на мушку вражеский снайпер! Через открытое окно увидел все тех же садовника и дворника. Офенман возился у квадратной клумбы, а Вилли Тюрмахер волочил за собой эмалированное ведро, неспешно направляясь с ним в сторону контейнера для мусора за оградой сада.

– Про сокровища, Карл, никому ни слова, даже Вальтеру. Пусть все думают, что у нас обычная прогулка... Хочу надеяться, что хорошее морское путешествие в дамском обществе будет ему на пользу, укрепит нервы, отвлечет от мыслей об этой смазливой индуске.

– Если так, пойду собираться. Надо, чтобы Эльза приготовила пару приличных дорожных костюмов. – И Карл, все еще о чем-то раздумывая про себя – губы у него медленно шевелились, пока он покидал кабинет – неторопливо вышел и тихо прикрыл за собой дверь.

Отто Дункель еще раз посмотрел в сторону сада – Офенман уселся на маленьком стульчике около каменного сарая для инструментов, курил сигарету, его напарник Тюрмажер копошился у забора, веником собирая на широкий совок с длинной ручкой всякий мусор вокруг контейнера.

– Странно, отчего же у меня было такое явственное ощущение опасности, будто пистолет приставили к затылку и курок, взведенный, уже щелкнул у самого уха? Странно, чертовски неприятно, – пробормотал Отто и, несмотря на жару, поспешно закрыл окно в сад.

2

Управляющий заводом Эрих Хейцман, пятидесятилетний, несколько грузноватый телом, толковый специалист был приглашен Отто Дункелем вместе с семьей из полуразрушенного послевоенного рурского городка, где найти приличную работу было не так-то просто. Из уважения к хозяину, Хейцман снял с облысевшей головы шляпу и внимательно слушал последние наставления отъезжающего сенатора, обещая давать регулярные сведения по адресу, который указан ему в пакете. Пакет надо вскрыть через две недели и в присутствии второго доверенного лица на заводе – начальнике охраны Гюнтера Цандера⁶, который своим внешним видом никак не оправдывал своей фамилии. Наоборот, толстой шеей, крупной головой, короткими ногами и мощной выпуклой грудью он больше всего напоминал свирепого пса: иначе как Бульдог его за глаза рабочие и не называли.

Отто Дункель знал Цандера давно, еще по довоенной службе. Гюнтера назначили командиром артиллерии на его подводную лодку где-то в середине тридцать восьмого года, и с того дня им пришлось не один раз побывать во всевозможных военных переплетах... После выполнения последнего приказа – доставить группу людей к аргентинскому побережью и затопить подводную лодку на приличной глубине, чтобы победители не смогли поднять ее и поставить в строй, Гюнтер Цандер, растерянный, без гроша в кармане, напомнил фрегаттен-капитану несчастного Робинзона в его первые минуты пребывания на необитаемом острове – такая же растерянность и беспомощность в глазах и в движениях сильных прежде, а теперь никому не нужных рук. Как за спасательный пояс в штормовом океане, он ухватился за рукав офицерского реглана Отто Дункеля, с отчаянием в голосе, кривя обветренными губами, начал умолять:

– Я умею только стрелять, фрегаттен-капитан! Вам такие преданные люди будут нужны в Африке! Возьмите, буду верно служить, готов выполнять любые поручения, только не бросайте меня на погибель среди этих мокрых диких скал! Те, которых мы высадили, уже ушли далеко, да я им и не нужен, я им чужой, а с вами мы пробороздили чуть ли не больше самого капитана Немо!

Отто взял его в Виндхук и действительно не пожалел. Цандер вызвал из Франкфурта-на-Майне свою многочисленную и бедствовавшую семью: до войны родители Цандера содержали небольшую хлебобулочную пекарню, но американские самолеты разбомбили ее в сорок четвертом году, восстановить ее средств не было, и семья разорилась... При содействии хозяина Цандер построил себе приличный дом в Цамебе близ завода и взял на себя нелегкую обязанность следить за режимом и жестким порядком во владениях фрегаттен-капитана...

С заходом солнца довольно быстро сгустились сумерки, ярче высветились перронные огни. Заглушая людской гомон, властно звякнул колокол, извещающий, что до отхода поезда Виндхук-Порт-Элизабет осталось десять минут.

– Ну, господа, до встречи! – Отто пожал руки Хейцману и Цандеру. – Надеюсь, все будет в порядке! – добавил он с ударением на слове «всё».

– Будьте спокойны, фрегаттен-капитан! Старый Гюнтер не пошлет снаряд мимо цели! – И он заговорщически подмигнул Карлу и Вальтеру, которые терпеливо стояли чуть в стороне, за спиной родителя около своей машины. Улыбаясь, Гюнтер в поклоне дернул крупной головой и обнажил крепкие «бульдोजьи» зубы.

– Хвастай! – засмеялся Отто и напомнил давнее: – Забыл английский противолодочный корабль из конвоя на траверзе острова Мейнленда, что в группе Шотландских островов? Наше счастье, что успели поставить дымовую завесу и благополучно увернуться от тарана!

⁶ Цандер – судак (нем.).

Цандер крикнул, через распахнутый ворот рубахи поскреб грудь, красную, словно ошпаренную кипятком.

– Будь он проклят! Из-за него у меня первая морщина поперек лба прорезалась! Видит бог, фрегаттен-капитан, словно колдовского тумана в глаза напустил тот англосакс! Бьем-бьем из пушки, а ему хоть бы что! Как заколдованный в самом деле – прет на субмарину...

– Смотри, Гюнтер, чтобы в мое отсутствие тебе здесь снова чародейского тумана не подпустили под нос... – И повернулся к машине. – Фриц, Али, доставайте чемоданы. Скоро поезд тронется... не бежать же нам потом за ним до Индийского океана по шпалам да с вещами! – Отто шутил, а глаза не хуже перископа цепко осматривали суетливую публику вокзала, словно ждал и все никак не мог увидеть кого-то еще.

Шофер молча открыл багажник черного автомобиля, вынул объемистые дорожные чемоданы. Карл и Вальтер взяли по одному, остальные захватили Фриц и Али и прошли в вагон, где Отто закупил два соседних купе. Открыв дверь и пропустив сыновей, Отто неожиданно распорядился:

– Фриц, поезжай домой и передай тетушке Ранджане, что Али будет сопровождать нас во время поездки. Пусть сама хлопочет на кухне, помогает Эльзе доглядывать за детьми. За Али беспокоиться не надо – приедет домой не с пустыми карманами.

В глазах Али мелькнула тень испуга, потом она сменилась выражением недоумения. Отто недовольно дрогнул бровью, и Али быстро взял себя в руки, сложил ладони на груди, поклонился с лицом, будто оно у него стало деревянным, как у вырезанного из бревна истукана.

– Как будет угодно, господин мой...

– Я тоже так думаю, Али, так будет нам всем удобнее, – словно не распознав смысла произнесенных индусом слов, подтвердил Отто.

Фриц молча щелкнул каблуками и посторонился, пропуская в конец вагона приятной наружности даму и сухощавого господина с небольшим чемоданом, зато следом за ними носильщик едва держал в руках разбухший, как весенняя почка, коричневый чемоданище.

– Иди, иди, Фриц, тебя в машине ждут господа. Отвези их домой, – поторопил Отто шофера, и когда тот боком вышел из коридора вагона, выглянул в окно купе – «мерседес», газанув от души и взвизгнув покрывками, быстро набрал скорость и умчался в город, увозя от тронувшегося поезда Хейцмана и Цандера. Повернулся к Али, который смиренным и безмолвным теплым столбиком стоял у раскрытой двери купе, скрестив руки на груди в ожидании распоряжений.

– Твое место в соседнем купе. – И пояснил причину неожиданного решения: – Я не хочу доверять случайным людям готовить нам пищу во время путешествия. Я договорюсь с шеф-поваром вагона-ресторана, тебя временно возьмут в штат, так что за дорогу подзаработаешь денег. Вещи твои в сером чемодане, все, что надо в пути. Конечно, это не так просторно, как дома, дорога есть дорога и приходится терпеть известные неудобства. Когда потребуешься, я чем-нибудь стукну в стенку, а с утра – в вагон-ресторан, приготовишь нам обычный завтрак – нежирную ветчину с яйцами, кофе и легкое вино, полусладкое.

Али покорно поднял «свой» чемодан, поклонился еще раз хозяину и вышел из купе Дункелей в свое. Здесь было свободно, потому как ехал он один. Когда разбирал чемодан, вытаскивая из него рубашки, запасной костюм, дорожные принадлежности туалета, с досадой проворчал на своем родном языке проклятия в адрес хозяина, и тут же боязливо оглянулся – почудилось, что дверь малость приоткрылась и кто-то глянул в спину недобрыми глазами затаившейся кобры... Но дверь качнулась от того, что вагон шел на стрелках, и Али поспешно захлопнул ее на замок, сдержанно вздохнул.

«Неужели этот хитрый немец через своих ищеек что-то разнюхал о моих предостережениях в эти минувшие перед отъездом дни? – подумал Али, осторожно опускаясь на обшитую кожей лавку купе. – Если так, то худо будет не только Амрите, но и Ранджане с сыном Усма-

ном». – От этих невеселых мыслей потянуло мышцы спины, он откинулся и принял ухом к перегородке, стараясь уловить недоброе для себя слово...

Но в соседнем купе разговор шел о другом. Видя сосредоточенное, замкнутое лицо младшего сына, Отто, делая над собой немалые усилия, всячески пытался отвлечь его от мыслей об оставленной девушке.

С Амритой Вальтер в день отъезда прощался открыто, без всякого стеснения. Словно законную жену он поцеловал ее на крыльце дома, никого не стесняясь, хотя рядом стояли отец, Карл, Эльза с детьми, родители Амриты и друзья Дункелей. И от машины, последний раз обернувшись, громко крикнул:

– Как вернемся – сразу же обвенчаемся! Жди меня, Амрита!

Фрегаттен-капитана не зря считали Железным Дункелем за его стальные нервы и дьявольскую выдержку в любой ситуации под водой, но в ту минуту стоило огромного напряжения воли сдержаться и не обругать сына публично законченным болваном, а в ненавистную красавицу разрядить из пистолета пол-обоймы! «Клянусь священными водами Стикса! Рано ты, милый сыночек, распустил павлиньи перышки, ох как рано! Я тебе этого вызова так не спущу! – стиснув зубы до ломоты в челюстях, решил про себя Отто. – Посмотрим, на ком ты обвенчаешься, когда мы возвратимся домой!»

Достав из чемодана походный набор посуды, бутылку, Отто сноровисто выбил ладонью пробку, разлил по небольшим прозрачным фужерам легкое шипучее вино, взял себе и подал сыновьям, которые сидела напротив отца за небольшим откидным столиком. Поглядывая на пузырьки, Отто негромко произнес тост:

– Ну, родные мои, за счастливый успех нашего рискованного предприятия... Выпьем за то, чтобы там, где мы будем добывать свое счастье, над нашими головами стоял полный штить! – Видно было, что в этот момент фрегаттен-капитан мыслями парил далеко от грохочущего колесами отлично сервированного вагона.

Вальтер даже рот приоткрыл и удивленно покосился на отца. «Что-то неординарное задумал на этот раз наш неугомонный родитель! Не удивлюсь, – пришла в голову странная догадка, – если он где-нибудь в дикой бухточке, как капитан Немо, припрятал свою субмарину, а теперь вознамерился для какой-то цели воспользоваться ею... Из таких отчаянных людей и сколачивались флибустьерские команды, поднимавшие на мачтах черные флаги с костями». – Но вслух сказал другое, а не эту пришедшую мысль о пиратах, решив не дразнить отца с первых же шагов поездки:

– Пока что у нас с Карлом в головах такой туманище, что не трудно и на скалу налететь, а не только на подводный риф! Хотел бы я знать, есть ли у нашего достойного капитана Флинта верная карта с пометкой, где зарыты сказочные сокровища?

С лица Отто мгновенно слетела печать задумчивости, он весело засмеялся, из-под бровей вскинул на Вальтера улыбочивые и в то же время в глубине зрачков настороженные голубые глаза. «Черт возьми, как близок он от истины! – поразился Отто словам сына. – Не может того быть, чтобы он что-то об этом прознал заранее! Даже Карл ничего не знает о сокровищах!» – Он почмокал влажными от вина губами, опустил взгляд в фужер, потом залпом допил вино.

– Карл, а у нашего Вальтера, похоже, проклюнулся некоторый интерес к сокровищам Флинта! К чему бы это? А-а, молодой бизнесмен, мечтает о собственном счете в банке? И для этого готов, наверно, положить пятнадцать человек на сундук мертвеца, не так ли? Шучу, не хмурясь, Вальтер, нам не придется проливать кровь, чтобы добыть эти заповедные сказочные богатства легендарного пирата. – Отто засмеялся снова, подмигнул старшему сыну, а тот с не меньшим любопытством ждал, не раскроет ли отец истинную цель задуманной поездки через всю Африку, к Индийскому океану. – Да-а, мои милые, кабы нам в Порт-Элизабете пересестись на мою субмарину да свистнуть бывшим некогда там матросам: «По местам стоять! С якоря и швартовых сниматься!...» При нынешней водолазной технике можно было бы хорошенько

пошарить по морскому дну, покопаться в этом хламом всяким заваленном огороде морского владыки Посейдона! А ведь там чего только нет...

Отто вторично наполнил фужеры, вздохнул, с печальной ноткой в голосе признался:

– Хороша была «лошадка», послушная и быстрая. Немало мы с ней пережили всяких приключений, тревожных и удачливых... Помню, курсировали мы в северной Атлантике, восточнее Фарерских островов, – неожиданно начал вспоминать Отто один из самых, можно сказать, удачливых эпизодов боевой биографии – раньше он никогда при Вальтере себе такого не позволял, помня о его надорванной психике. – И вдруг получаем шифровку – выйти в такой-то квадрат у берегов Северной Норвегии и вместе с другими крейсерскими подводными лодками атаковать конвой союзников...

Карл маленькими глотками отпивал приятное полусухое вино и слушал с любопытством, тем более что отец не так уж часто вдавался в подробности военных действий его субмарины, а только по настроению. Вальтер же едва поднес фужер к губам, как тут же поставил его на вздрагивающий от колесного перестука столик.

– Вышли мы на траверз конвоя, с глубины в пятнадцать метров «вслепую», то есть без помощи гидроакустической станции, дали залп из всех четверых носовых аппаратов, и тут же я скомандовал: «Всплыть под перископ! Перезарядить носовые аппараты!» Впереди по курсу так громынуло, что не было сомнений – кому-то на этот раз крепко не повезло! Поднимаю перископ, – и Отто, словно пантомим в цирке, изобразил, как он поднимает обе руки к перископу, принакает глазами к окулярам и, вращая перископ, осматривает зыбкий горизонт. – Вот так удача! Танкер – водоизмещением не менее как на десять – двенадцать тысяч тонн задрал нос и кормой уходит под воду! В конвое неразбериха, кто глушит рыбу глубинными бомбами, кто крутит пушки, а один новенький эсминец, выкрашенный, как детская игрушка с полочки, так и просится под торпедный залп. Вот тут я и не упустил верного шанса...

– Доктору Ричарду Джефферсону интересно было бы в с е это послушать, – вдруг вроде бы серьезно уронил Вальтер. И Отто умолк, лицо скривилось, как будто в сердце предостерегающе ткнулась острая заноза. Он отлично знал, чье имя упомянул сын. Ричард Джефферсон – влиятельное лицо в Виндхукке, так же сенатор в парламенте Южно-Африканского Союза⁷. Во Второй мировой войне у него пропал сын – капитан эсминца, и пропал именно при сопровождении одного из конвоев в русский порт Мурманск... При нечаянных встречах оба сенатора делали вид, что не знакомы вовсе, но оба с одинаковым желанием всадили бы по доброму десятку пуль один в другого. У этого Джефферсона, одного из лидеров Конгресса демократов Южно-Африканского Союза, на руках был приличный пакет акций фирмы «Консолидейтед майнз, оф Саут-Вест Африка К», которая входит в мировую алмазную монополию «Де Беерс консолидейтед майнз К».

«Да-а, такого гуся голыми руками не ухватить, – мысленно ругнулся Отто. – Его можно только из снайперской винтовки приласкать где-нибудь на дороге в горах... Пристрелить его не трудно, да проку будет один пшик. Либералы всех мастей снова завопят о нацистском разгуле, в этой их вонючей словесной пыли задохнуться можно будет! Майн готт⁸, когда же ты избавишь нас от их проклятой опеки?» – Отто поставил на столик недопитый фужер и молча отвернулся лицом к окну, едва сдержался, чтобы с презрением не бросить Вальтеру в лицо: «Не думал, что англосакская змея пожрала мозги у моего младшего сына!»

Карл, а он сидел на боковой полке, легонько толкнул брата в бок, но тот сделал вид, что не понял предостережений, хотел еще что-то добавить к реплике, но Отто процедил сквозь зубы негромко, но с ядовито-горестной досадой в голосе:

– Ну что же, Вальтер, каждый волен выбирать свой путь...

⁷ Конгресс демократов ЮАС объединял европейцев, выступающих против расовой дискриминации на юге Африки.

⁸ Майн готт – мой бог (нем.).

А этому плюгашу-очкарику Джефферсону можешь при случае передать, что – клянусь священными водами Стикса! – придет еще такой час, когда он на коленях будет стоять перед дверями моего кабинета! И я, а не он, буду снова решать, что и как делать на нашей земле! Недолог час этих плодояжорок, скоро передохнут все!

– Ненавижу войну, ненавижу кровь, неважно кем и из каких побуждений она проливается! – Вальтер выдавил это сквозь зубы, с усилием отгоняя от себя наплывающее кошмарное видение – тусклые лампочки под серым каменным сводом, отчаянные крики, проклятия... Вальтеру почудилось, что те давно слышанные крики становятся какими-то ритмичными, в унисон с колесным перестуком, его снова начинает бить мелкий нервный приступ.

– Мне плохо, отец! Прошу тебя... никогда больше при мне... – Он встал, качнувшись, торопливо рванул ручку двери влево.

В открытое окно из темной ночи в длинный и пустой коридор купейного вагона влетал освежающий ветер и ласково, словно невесомые пальчики Амриты, касался прядей на влажном лбу и на висках.

– Майн готт, – прошептал Вальтер, с трудом удерживаясь обеими руками за никелированный поручень вдоль стены вагона. – Неужели мне суждено вот так всю жизнь мучиться рядом с родным отцом? Как убедить его окончательно распрощаться с кровавым прошлым и начать наконец-то жить в новом мире и с новыми мыслями? Не о войне и мести надо думать теперь, а о счастье детей, внуков, о счастливой собственной старости?...

За спиной хлопнула дверь купе, из него вышел Карл, встал рядом, закурил, пуская дым так, чтобы он не попадал в лицо брата. Обняв Вальтера левой рукой, он попросил:

– Не надо так бить отца под дых, братишка... Ведь он уже не молод. Сам видишь, как у него стали сдавать нервы. Теперь его редко называют Железным Дункелем, как звали еще каких-то два-три года назад. Если он что и делает не так, как нам, молодым, хотелось бы, так это ради нас с тобой. Они свою жизнь, можно сказать, завершают, а мы только начинаем. У них своя мораль и свои понятия о ценностях, у нас будут свои. У наших детей эти ценности наверняка совсем на наши не будут похожи. Диалектика жизни у каждого поколения своя, с этим надо мириться и считаться как-то.

Вальтер покосился на брата, в светлых глазах какое-то отчуждение, словно он не совсем еще пришел в сознание после недавней вспышки гнева. И голос с хрипылыми нотками, как если бы ему только что удалось убрать с горла стиснутые пальцы недруга.

– Отец жил войной, живет воспоминаниями... об этой войне! И грезит о новой бойне, как будто без этого мир рухнет! Он даже постоянно клянется водами реки загробного мира. А мне эта проклятая война – я чувствую это, Карл, чувствую это с каждым днем все отчетливее – меня эта война убила психически, убила еще ребенком!.. А маму нашу убила и физически... Неужели этого отец не хочет понять? Или не может? Иной раз мне кажется, что наш отец за всю свою жизнь только и прочитал философию Ницше да «Майн кампф» Адольфа Сумасбродного! Но в доме у него отличная библиотека, много разных книг... Хотя любимыми героями у него все те же «железные» люди – мифический Геракл и прочие сверхчеловеки. Не зря мифы Древней Греции он помнит почти наизусть, от корки и до корки, вместе с картинками!

– Он помнит не только Геракла, – подсказал Карл, выбросив окурок в темноту, свистящую встречным ветром. – Он отлично помнит и не менее легендарного Волка Ларсена. Мне кажется, отец старается воспитать тебя своим достойным наследником. Разве это плохо?

– Чтобы и я кричал «Хайль!» перед намалеванной рожей припадочного Адольфа – убийцы своей матери? – Вальтер побелевшими пальцами вцепился в поручни, опасаясь потерять сознание и упасть на зеленую ковровую дорожку коридора. – Я лучше... в один прекрасный день... под поезд лягу, разом прерву мучения прошлого и будущего!

– А что тогда станет с Амритой, брат? – негромко напомнил о индуске Карл. – Ты о ней подумал?

Словно бы с этим же ночным ветерком до Вальтера вместе со словами брата донеслись и тревожные сигналы от милой Амриты. Сознание прояснилось, и он, чего-то испугавшись, крепко ухватил Карла за руку и сжал на ней пальцы.

– А что – с Амритой? Ей что-нибудь угрожает? Скажи, если что-то знаешь, я готов на ходу спрыгнуть и бежать домой...

– Ну что ты, право... Отец удивительно быстро понял, что у вас не легкий полудетский роман, а весьма серьезные намерения. – Карл сказал это с легкостью на душе, потому что Отто действительно удивительно быстро понял, что младший сын так запросто от индуски не отвяжется. – Ты должен думать о будущем, о вашем будущем, и на тебе какой-никакой, а лежит груз ответственности! Да ты и сам, прощаясь, обещал Амрите по возвращении руку и сердце. Я понимаю, сердце у тебя щедрое и богатое, а вот рука... С нищей рукой никакого счастья ты девушке не создашь! Неужели ты хочешь, чтобы она всю жизнь проработала на кухне у какой-нибудь знатной госпожи в услужении. Подумай над моими словами хорошенько, да озаботься создать жене приличное в материальном отношении существование. А это может состояться в том случае, как я теперь понимаю, если предпринятое путешествие даст ожидаемые отцу плоды. Тогда, глядишь, и нам лично что-нибудь перепадет на счета.

Напоминание о любимой смягчило душу Вальтера, по телу растеклось теплое, божественное ощущение той сказочной минуты, которую провели они с Амритой на лесной поляне... Хотелось говорить и говорить об этой девушке, но непонятное чувство самосохранения удерживало его от желания полностью довериться старшему брату: он не был уверен, что Карл искрение одобряет его выбор и в неминуемой войне с отцом встанет на его сторону, так как очень обеспокоен именно материальным благополучием своей семьи в будущем.

– Я люблю Амриту, Карл. И подобно отцу, клянусь памятью преданной души Орфея, а не водами подземного Стикса, что женюсь на ней, как и обещал при всех обитателях нашего дома. Более того, я... – Вальтер хотел сказать, что он и так уже стал мужем Амриты, но Карл знал только о его обещании жениться, потому и перебил взволнованного брата:

– Знаю, знаю, братишка. Но отец вряд ли согласится на брак с этой милой, но не белой девушкой! – Карл понизил голос – ему вдруг почудилось, что в соседнем купе притих Али – уснул, а может, слушает их порою вспльщивый разговор. – Ты не хуже меня осведомлен о взглядах отца на брак – никакого смешения крови, только немецкая!

– Майн готт! Расизм, дикий расизм в нашем доме! Что же мне делать? – простонал Вальтер и разгоряченным лбом прислонился к прохладному оконному стеклу. – Лучше бы я родился нищим индусом или аборигеном в Австралии! Жил бы впроголодь, но волен был бы выбирать жену по сердцу, никого не спрашивая на то позволения!

Карл засмеялся, еще раз похлопал брата по спине, успокаивая как маленького, пояснил с шуткой:

– И там свои законы, братец, или забыл учебник истории? У одних народов более терпимые, у других еще страшнее, чем у нас. Могут и на костре сжечь, если не в ту хижину заглянешь... Что тебе делать, не знаю, братишка, это твоя страшная проблема. Такие вопросы решает каждый сам за себя... Но в одном, мне кажется, я прав – пока ты не станешь финансово более или менее обеспеченным, тебе из семейного капкана не вырваться, поэтому лучше всего жди окончания задуманного отцом путешествия. Когда увидишь, что оно тебе принесет, тогда и решишь, что делать... Ну, идем спать, поздно уже. Какая темень вокруг. Ни огонька в доме, ни костра в поле. Небо в звездах, а на земле дикая тьма. В аду так же, наверно, темно при погашенных кострах! – И Карл под влиянием собственных слов зябко передернул плечами.

«Уйду я от них! Видит бог – уйду... вместе с Амритой!» – появилась в голове Вальтера поначалу робкая, не до конца выношенная мысль-надежда. Она чуть сверкнула впервые еще там, в Виндхуке, за обеденным столом, когда отец так зло и грубо, при Али, отозвался об индусах и о предполагаемом выселении из Южно-Африканского Союза всех без исключения

желтокожих... Но куда уйти от всемогущих рук Железного Дункеля, который теперь, похоже, всерьез помышляет о кресле премьер-министра в правительстве? Карл прав – он, Вальтер, теперь не один! Чтобы бежать от отца, придется уезжать из страны вообще. Лучше в Индию или в Америку, но для этого нужны деньги, много денег! Опять же прав старший братишка!

«У меня в Йоганнесбурге на счету есть около трех сот фунтов стерлингов, – с облегчением вспомнил Вальтер и потер пальцами остывший от стекла больной лоб, к тому же надавленный об угол оконной рамы. – Это не так много, чуть больше двухгодичного дохода рабочего-европейца на рудниках. Тот получает в год сто двадцать пять фунтов... – И Вальтер невесело хмыкнул: – Африканец за эту же работу полуодет всего десять фунтов в год! Вот какова справедливость и гуманность великой расы Гитлеров и Герингов! Да и английских Черчиллей в придачу к первым двум! Одного поля ягоды! Ну что же, нам с Амритой на первое время потребуется несколько тысяч фунтов... Буду просить у отца якобы на книги и... на разные с друзьями развлечения... А теперь придется ехать с ними, до конца, – решил Вальтер. – Тем более что отец говорил, будто поездка деловая, стало быть и ему тоже выгодная. Возвратимся домой, попрошу у отца чеком и наличными... будто для поездки на курорт нервы подлечить... Тогда и Амриту с собой тайком вывезу».

Вальтер молча постоял у окна, пока Карл докурил вторую сигарету, и, успокоившись от принятого решения, пошел следом за старшим братом. Отец лежал лицом к стене, лежал тихо, а может быть, уже и спал. На столике, поверх салфетки, аккуратно расставлены вскрытые банки с тушеной говядиной, ломтики ржаного хлеба, который Отто обожал больше всего. Бутылки не было, но в купе чуть-чуть витал запах дорогого коньяка.

Братья наскоро поужинали, молча разделись и легли спать.

3

В Порт-Элизабете сенатора Дункеля ждал заранее заказанный великолепный номер в гостинице неподалеку от океанского побережья.

Над входом в гостиницу висела, как и по всему респектабельному району города близ пассажирского порта и пляжной зоны, строгая вывеска – на белом фоне красными буквами: «FOR EUROPENS ONLI»⁹.

Справившись тут же, в фойе гостиницы, по вывешенному расписанию о времени отправления парохода «Британия» в далекий австралийский порт Мельбурн, Отто Дункель, насвистывая бравую мелодию, сделал знак Карлу и Вальтеру следовать за собой. Рослые темнокожие носильщики в изящных белых костюмах и в форменных фуражках, какие и у швейцаров на входе, принесли багаж, раскланялись, поблагодарив за щедрые чаевые, бережно прикрыли за собой массивную, обитую коричневой кожей дверь.

– Карл! Вальтер, идите сюда! – громко позвал Отто с просторного балкона. – Вам не приходилось еще видеть Индийский океан! Смотрите, вот он, его величество ОКЕАН! Красавец, теплый, необъятный и чертовски коварный своими неожиданными ураганами. Здесь, за южными тропиками, совсем не так, как в Германии. Весна здесь в октябре, осень в мае, как и у нас, в Виндхуке. Здесь норд-ост всегда теплый, зюйд-вест ледяной. И все это потому, что чем ближе к югу – не парадокс ли, казалось бы! – тем ближе к вековым ледникам Антарктиды.

С четвертого этажа хорошо был виден город в той части, которая просторно раскинулась по акватории прекрасного, с золотистыми пляжами залива Аогоа. Чуть выше пляжной полосы видна зеленая зона высоких пальм с кронами, пышными, как головные уборы у индийских вождей. За этой зеленой зоной угадывались очертания хорошо знакомого туристам старинного на этом побережье укрепления форта под названием Форт-Фредерика, а вокруг и дальше от берега раскинулись белые и чистые, идеально ухоженные кварталы «Для европейцев». Чуть левее гостиницы стояло красивое здание управления порта, на фасаде которого большими, выкрашенными бронзой буквами было написано «ПОРТ-ЭЛИЗАБЕТ», у причальной стенки отдыхали четыре парохода, с десятков яхт, а дальше, словно голый зимний лес, торчали мачты и стрелы кранов, серые крыши складов, там бегали маневровые паровозы, которые обслуживали грузовой порт. За частоколом мачт – длинный мол, который отсекал океанские волны от тихой, с мазутными пятнами воды внутренней акватории. В самом конце насыпного из крупного камня и покрытого сверху мощными бетонными плитами мола величественно вздымалась головой к облакам круглая из красного кирпича башня портового маяка с огромной вращающейся зеркальной шапкой.

За маяком, насколько достигал взгляд, – бесконечная океанская рябь, у берега крупная, покатая, а чем дальше, тем казалась меньше, безмятежнее. К горизонту и от горизонта неприметно глазу ползли встречными курсами два судна – на восток уходил белый пассажирский пароход, а какой шел навстречу, по крошечному силуэту опознать пока невозможно.

– Это идет наша «Британия», – уверенно заявил Отто и неожиданно добавил мысль совсем из другой, как говорится, «оперы»: – Я отдал бы половину состояния, чтобы этот пароход назывался «Великая Германия», а не так, как теперь. Н-да, ну, это в будущем, – он сам себя, мысленно дернул за ухо, останавливая готовые было вновь низвергнуться из души рассуждения о будущей Германии, да вспомнил Вальтера.

К полудню «Британия» пришвартуется у южного мола, два дня будет стоять и заправляться, а в субботу, дети мои, мы начнем увлекательное путешествие! И вернемся из этого путешествия чертовски богатыми! Каждый из вас может считать себя прямым наследником

⁹ Только для европейцев (англ.).

легендарного графа Монте-Кристо! А по возвращении поглядим, господа сенаторы, кто из нас на что способен! – Отто решительно пристукнул кулаком о белый, недавно выкрашенный и горячий от солнца поручень балкона.

Карл молча, будто сытый кот прищулив карие глаза, улыбался, а Вальтер чуть саркастически скривил губы, негромко, провоцируя отца на откровения, сказал:

– Мне кажется, отец, ты каким-то образом узнал координаты необитаемого и неисследованного островка, где можно пошарить по дну в поисках жемчужных раковин, не так ли? Я видел такие раковины в йоганесбургском музее – черные или зеленые, диаметром до одного фута, а весом, как пояснял гид, иные особи и по двадцати фунтов!

Отто засмеялся, легонько хлопнул Вальтера по плечу, потом ласково встряхнул: после памятной ему стычки с младшим сыном в день отъезда из Виндхука, словно сговорившись, оба не упоминали имени Амриты, не вспоминали минувшую войну, и вроде бы обрели теплый душевный контакт, но каждый из них, без сомнения, словно рак-отшельник сидел в своей засаде и внимательно стерег один другого...

– А что! Карл у нас отменный аквалангист, не зря на прошлогодних соревнованиях завоевал призовое место по подводному плаванию. Так что, попадись нам и на самом деле такой чудесный островок, обчистим доньшко за милую душу! Тогда обещаю каждому из вас по крупной жемчужине – дарите, кому хотите: жене или милой красавице, дело ваше. Лишь бы мир и спокойствие царили в нашем доме.

Вальтера кинуло в легкий жар. «Хорошую жемчужину можно продать ювелирам за несколько тысяч фунтов стерлингов! Вот нам, милая Амрита, и деньги на выезд в Индию! И там, на родине старого Али, мы будем вне цепей здешних драконовских законов и предрассудков».

За спиной бесшумно открылась дверь в спальную комнату, легкие шаги заставили всех троих обернуться. К ним подошел Али, поклонился, сложив руки как всегда на груди.

– Господин мой, вещи разобраны и уложены в шкафы. Прикажете обедать в номере или в ресторане будете?

– Да, Али, передай от моего имени, чтобы накрыли нам стол в номере. – И добавил, обращаясь к сыновьям: – Терпеть не могу ресторанного гама и громкой музыки. – Он снова повернулся лицом к океану, словно с ходового мостика субмарины всматривался в такую родную, вечно манящую к себе даль. По той интонации, с какой Вальтер заговорил о жемчуге, Отто понял, что младший сын заинтересован в отыскании сокровищ. И это его весьма обрадовало. «Так-то ли ты засветишься личиком, мой милый пацифист, когда перед тобой засияет настоящее богатство! – удовлетворенно хмыкнул про себя Отто. – На этом “коньке” мы и будем скакать вместе, сынок... Рано или поздно в тебе заговорит кровь твоего прадеда Генриха Дункеля, искателя приключений и сокровищ! И беспощадного устранителя свидетелей, которые могли знать, в каком именно месте от глаз людских это сокровище укрылось под морскими волнами!»

Отто еще раз внимательно посмотрел на чуть выросший силуэт идущего к городу парохода, обернулся лицом в комнату. Убедившись, что повар Али оставил их, сказал заговорщически:

– Только бы удача от нас не отвернулась, а там мы сумеем ухватить фортуны за павлиний хвост. Вот тогда мир и заговорит о Железном Дункеле, как когда-то назвал меня, вручая боевой крест сам... – Отто едва не произнес имя фюрера, но спохватился, тут же умышленно соврал: – ...сам адмирал Дениц! Мне уже пятьдесят пять лет, а...

– Отец! – прервал его, рассмеявшись, Карл. – Никому не говори о своих годах. Тебе и сорок дают с трудом. Я своими глазами видел, как молоденькие девицы оглядываются на тебя.

Озорно подмигнув, Отто с довольной усмешкой отозвался на реплику старшего сына:

– Должно и в самом деле богиня Афродита, покровительница любви и мореплавателей, благоволит ко мне. В молодости я давал обет побывать на Кипре, где в свое время был глав-

ный центр культа этой богини, в городе Пафосе. И ныне от этого обета не отрекаюсь, обязательно заеду поклониться святым камням... Но покровитель – покровителем, а главное для мужчины – это спорт! Великая сила в борьбе со старостью. Спорт и, разумеется, спартанская воздержанность от чрезмерных развлечений и пьяных кутежей до рассвета... Ну что же, если мои годы не так страшны, то у нас еще будет время насладиться богатством, роскошью и – чем черт не шутит, пока Господь спит! – властью! – Отто неожиданно повернулся к Вальтеру, который молча стоял у балконных перил и смотрел на океан, а теперь, при последних его словах обернулся и, прищулив глаза, с улыбкой смотрел на размечтавшегося отца, словно не веря ни одному его слову. – Ну а ты о чем мечтаешь, ученая голова? О славе? О карьере? Или... о любви?

– Я? – Вальтер вздрогнул: отец снова прошупывает его! Вон, улыбается, а глаза блестят, как... как стекла поднятого над морской зыбью перископа! – Я решил сначала хорошенько пообедать, а потом, – с улыбкой добавил, – окончу университет, с годок подлечу нервишки на лучших курортах Европы, а потом открою адвокатскую контору в Иоганнесбурге. А если ты, отец, дашь достаточный капитал на первое время, то сниму дом под контору и в самой столице, в Претории. – Вальтер тоже решил проверить, как отнесется отец к его возможному «выделению» младшего сына для самостоятельной жизни. И реакция получилась незамедлительной, бурной.

– К чертям собачьим эту Преторию! – тут же ответил прямолинейно Отто. – Будущему концерну «Отто Дункель и сыновья» потребуются собственные башковитые юристы. А еще лучше и свои министры юстиции!

Вот так надо летать в мыслях, сынок! И никак не ниже, иначе ничего не достигнешь, упустишь свой, быть может, единственный шанс.

Вальтер притушил на лице минутную тень скептицизма, медленно повернулся к призывно-ласковому изумрудному океану, по ровной поверхности которого к берегу неудержимо приближался с небольшим дымным шлейфом над трубой океанский пароход.

«Что-то не на шутку разговорился отец о будущем величии, словно вирус властолюбия поразил ему голову, – с неприятной в душе тревогой подумал Вальтер. – Вон как его распирает от одного только предвкушения власти, а что будет, если он и в самом деле получит таковую? Пойдет в разнос, как говорится? Но так и скувыркнуться можно, есть кому ножку подставить... Мы уже на восточном берегу Африки, а он до сих пор так и не сказал, где и каким способом думает раздобыть эти баснословные миллионы. Но если для этого ему придется пустить в ход оружие и убивать людей, то на мою помощь...»

В дверь постучали удивительно ласково – так могут беспокоить клиентов только в гостиницах мирового класса – и когда Дункель крикнул: «Войдите!» – два стройных белых официанта вкатили столик с обедом: супницу, блюда со вторым, закуски из овощей, красиво украшенные зеленью куски ветчины и с полдюжины – на выбор господам – ароматных приправ. В центре столика, в цветном ведерке со льдом, высилась золотоголовая бутылка французского шампанского. Официанты с безупречными манерами, словно факиры на сцене, перенесли все это съедобное роскошество на стол, сервировали его красивыми приборами и, столь же изысканно откланявшись, как-то неприметно глазу сняв со стола чаевые, оставили клиентов одних.

– Вот это класс! – восхитился Отто, даже пальцами прищелкнул от восхищения! – Хотел бы я в собственном доме иметь такую прислугу! Али, ты видел, как работают эти ребята? И захотел бы придраться какой зануда, так и придраться не к чему! – Он потер ладони, сделал широкий жест, приглашая сыновей к обеду. – Али, ты можешь пообедать в буфете при ресторане, где и прочие слуги обедают... Вот тебе деньги на расходы. – Отто вынул из портмоне несколько банкнот и протянул слуге.

– Спасибо, господин мой, – старый индус принял деньги, глянул, и у него запрыгали брови от удивления. – Но... но тут так много, зачем мне столько, господин?

– Бери, бери! Это тебе на дорожные расходы, – пояснил самодовольно сенатор, – чтобы не спрашивать каждый раз на всякие нужды. Трать и не беспокойся отчетом, куда и для чего ты их потратил. А когда возвратимся домой, моя благодарность будет во сто крат большей, так что старайся служить верно и, главное, ни с кем не вступай ни в какие разговоры о том, куда и зачем мы едем. Не знаешь – и весь тут разговор. Понял, Али?

– Понял, господин мой, – поклонился пораженный индус. – Я и в самом деле не знаю куда...

– Вот и прекрасно! Иди, а мы примемся все это перекладывать в свои опустевшие трюмы.

Али еще раз с благодарностью поклонился и, стараясь неслышно ступать белым парусиновыми туфлями по светло-коричневому паркету, пошел в свою комнату. «Ох, всемогущий Кришна! Просвети своим божественным светом мою необразованную голову – отчего такая хозяйская щедрость? Не очередная ли это хитрость стоголового змея Калийи? Тогда и ты, старый Али, не будь подобен демону Камсе или демону Раване, не глотай без разбора любое мясо, которое тебе умышленно подсовывают!»

Плотнотобедава, Отто оставил сыновей отдыхать после утомительной и многодневной дороги в поезде, взял небольшую спортивную сумку, спустился в холл, по короткому коридору прошел влево, в местное отделение почты и телеграфа. Попросив бланк у миловидной крашенной под блондинку дамы неопределенных лет – в ушах у нее сверкали в золотой оправе явно фальшивые камешки – Отто прошел к столу, достал тяжеловатую металлическую авторучку с золотым пером, торопливо набросал текст: «Виндхук, улица Геринга, 10. Гюнтеру Цандеру лично. “Британия” отбывает в субботу. Надеюсь увидеть старого приятеля. Позаботься об Амрите, иначе меня ждут большие неприятности – Вальтер не успокаивается. О всех событиях телеграфируй на борт лично мне. Отто».

Пробежал текст глазами, на время задумался, покусывая колпачок авторучки – что-то не так получается, как надо.

– Нет, брат Гюнтер, так не годится тебе писать, – скомкал и швырнул бланк в корзину для мусора. – Не надо лишним мерзким человечешкам знать, что индуска так сильно мне досаждал своим пребыванием на грешной земле! Вплоть до принятия экстренных мер.

На новом бланке он «зашифровал» то, что касалось Амриты, которая так некстати привнесла в его дом сумятицу и раздор:

«Отбываю на “Британии” по графику. Надеюсь уговорить старого приятеля на совместное путешествие. Позаботься и не упустить из клетки бесценную индийскую птичку, иначе меня из-за нее будут большие хлопоты. О всех событиях телеграфируй на борт лично. Отто».

– Вот так-то будет лучше, без всяких имен. – И он, довольный, скупой улыбнулся. – Иначе могут поползти всякие нежелательные слухи... Птичек же у Эльзы и вправду полная комната, одна лучше другой.

Протянув в окошко бланк и уплатив, Отто вновь поднялся по центральной лестнице на второй этаж и вошел в туалет...

Али, укрывшись за густой декоративной пальмой, подождал две-три минуты. В туалет входили и выходили обитатели гостиницы, а сенатора все не было. Справедливо решив, что господин его пробудет там не менее десяти минут, он покинул свое убежище и поспешил бежать со второго этажа, вошел в почтово-телеграфный зал, который только что посетил Дункель.

– Уважаемая госпожа, позвольте бланк и ручку. Я хочу послать телеграмму и перевод моему сыну.

Крашенная блондинка вскинула на индуса светло-карие удивленные глаза, без лишних эмоций, едва увидела перед собой пожилого индуса, указала на стопку белых бланков, снисходительно усмехнулась крашеными сочными губами:

– Посылайте хоть самому премьер-министру в Лондон, лишь платите по счету правильно.

– Спасибо, очаровательная госпожа, – поклонился Али и так же торопливо, но без излишней суеты сел за столик, где до него сидел сенатор, написал на бланке несколько слов, скомкал, кинул в урну. Потом встал, стараясь не привлекать к себе внимания, оглянулся на окошечко – блондинка в наушниках кого-то соединяла по телефону, и он видел только ее голову и короткую белоснежную без загара шею с ниткой коралловых бус. Али наклонился над пластмассовой голубой корзиной, вынул из нее чужой, а не свой смятый бланк, торопливо сунул в карман, потом заполнил телеграфный перевод на пятьдесят фунтов стерлингов, адресовав его Ранджане, подал в окошко, уплатил и кошачьей походкой покинул зал. Когда из гостинцы вышел Отто Дункель, он так и не заметил...

Переждав шумную и разноликую массу пассажиров, которая по трапу сошла на причал к не менее шумной и суетливой толпе встречающих, Отто Дункель уверенно поднялся к вахтенному командиру, вынул из грудного кармана визитную карточку и с молчаливым достоинством подал ее элегантному моряку.

– Сенатор Отто Дункель, из Виндхука, – прочитал веснушчатый здоровяк в белоснежном парадном костюме. – Отлично, господин сенатор, – и он сдержанно, но благородно поклонился. Под тесноватым кителем угадывался человек изрядной физической силы, но взгляд светлых и, похоже, близоруких глаз говорил о покладистом и незлобивом характере. – К кому вы, господин сенатор? Если к господину капитану, то наш босс Гарри Клинтон одним из первых сошел на берег и теперь в таможенном управлении.

– О нет, сэр! – Отто красиво приподнял правую руку, шевельнул кистью, как бы ладонью приостанавливая словопоток говорливого вахтенного командира. – Я в гости к штурману Фридриху Кугелю.

– О'кей, сэр! Первый штурман еще у себя, а я его помощник, разрешите представиться – Бобби Дукакис, к вашим услугам. Сейчас вызову рассыльного. – Бобби Дукакис звонкой дудкой пригласил к трапу рассыльного моряка, распорядился проводить достойного гостя в каюту первого штурмана и незамедлительно вернуться к трапу – мало ли кто еще захочет подняться на борт...

Фридрих Кугель¹⁰, некогда подвижный и кудрявый, бывший старший лейтенант и штурман подводной лодки, где фрегаттен-капитаном был он, Отто Дункель, за последние годы спокойной и размеренной жизни заметно пополнил и стал более сдержанным в движениях, а со лба к темени уверенно вела необратимое наступление возрастная залысина. И еще одну новую деталь во внешности старого друга заметил Отто – Фридрих отрастил себе усы и бородку, в которой пока что успешно пряталась предательски болтливая седина, выдававшая возраст хозяина, перешагнувшего свой полувековой экватор. На загорелых скулах, словно розовая паутинка, видны извилистые кровеносные сосудики. Все это успел разглядеть опытным взглядом Отто, переступив порог просторной и светлой каюты первого штурмана океанского парохода «Британия».

На покашливание за спиной Фридрих Кугель обернулся резко, хотел обругать крепким словом нахала за то, что без стука вошел в чужую каюту. Но увидел гостя и смолчал – негаданный посетитель, пожилой джентльмен в изящном белом костюме, в хромовых черных туфлях и с тросточкой, раскачивался с пяток на носки и дерзко-насмешливо ухмылялся, не выпуская из зубов гавайскую сигару, от которой по каюте сразу пошел ароматный запах.

– Что вам угодно, почтенный сэр, не имею чести знать... – Фридрих в недоумении сдвинул светлые брови. Его зеленые глаза приняли оттенок холодного ледовитого океана – эти англосаксы смеют так нагло вести себя, что порою хочется вlepить одному из них увесистую затрещину и пинком бы вышвырнуть за борт. – С кем имею честь...

¹⁰ Кугель – ядро (нем.).

Насладившись эффектом своего внезапного появления, Дункель закрыл за собой дверь и все так же с загадочной улыбкой неторопливо и бережно убрал с головы рыжий парик, отклеил усы... и Кугель увидел улыбающегося, довольного произведенным впечатлением давнего командира и приятеля Дункеля. Бросив грязную рубаху в раскрытый чемодан, он поспешно захлопнул его и с распростертыми объятиями пошел, вернее, покатился на толстых кривых ногах навстречу всегда желанному гостю.

– Ба-ба-ба! Вот так сюрприз! Отто, мой милый Отто! Видит мой бог, не узнал! Хотел было тебя обложить, как боцман новобранца, от клотика и до кия. Дай-ка гляну получше, может, какой англосакс под моего фрегаттен-капитана так удачно замаскировался! Клянусь священными водами Стикса!

– Я это, дружище Фридрих! Сразу же, как только вы бросили якорь. Можно на минутку прилечь рядышком на жидкий грунт?

– Вот здорово! – Фридрих радовался, словно ребенок, почесал подбородок, запустив пальцы в волнистые пряди. – Как же ты догадался меня разыскать? Ведь столько лет... Погоди, да ровно семь лет минуло! Не виделись столько – и вот мой фрегаттен-капитан у меня в гостях! Видит мой бог, я чертовски рад! – Фридрих полез в небольшой шкаф, левой рукой вынул бутылку сухого вина, в правой затренькали хрустальные фужеры, за тонкие ножки зажатые между пальцев. Фридрих подошел к столу, рукой с бутылкой пригласил Отто присесть рядом, на диван. – Объясни, к чему тебе понадобился такой маскарад? Что-нибудь неладное случилось? – Кугель пытливо и обеспокоенно всмотрелся в лицо бывшего своего командира, отметив, что Железный Дункель, похоже, мало изменился, время и возрастные болезни щадят его за какие-то особые заслуги перед матушкой-природой...

– И я чертовски рад встрече, старый дружище! Давай за это и выпьем, чтобы всякий раз, когда судьба будет нас сводить вместе, мы могли бы вот так же сердечно и радостно смотреть друг другу в глаза. – Отто принял от Фридриха полный фужер светло-золотистого вина, легонько чокнулись фужерами. Отпив глоток и удовлетворенно причмокнув, он негромко пояснил: – Как эхолот чувствует металл в воде, так и я затылком чувствую, что какая-то гадина прицепилась за мой хвост! И тянется, пожалуй, от самого Виндхука. Кое у кого кошки заскребли на душе, когда узнали, что Железный Дункель с сыновьями отбыл так неожиданно и неведомо куда! Им все эти годы не дает покоя мыслишка, что я принимал участие в сокрытии сокровищ Германии, вывезенных накануне падения Берлина. Потому и ведут порою неприкрытую слежку. Но теперь, похоже, орудуют куда как осторожнее, и я только догадываюсь о слежке, никого конкретно пока не обнаружил в своей кильватерной струе. И тебя, дружище Фридрих, – он поднял на Кугеля строгие, не мигающие глаза, – прошу о нашем знакомстве пока никому не говорить ни словечка! Помощника своего, который на вахте стоит, Бобби Дукакиса, тоже попроси не болтать в моем визите на пароход. Я еще не знаю, какие меры приму, но дымовую завесу порою надо ставить заблаговременно, не так ли, мой штурман?

– Хорошо, Отто. С этим Бобби у нас давние приятельские отношения. Я не однажды выручал его деньгами, когда он прогуливал жалованье с девицами весьма неблагодарного поведения и ему грозило дома многими неприятностями, явился он без фунта в кармане.

– Очень хорошо. – Отто приложился к фужеру, и ароматное, чуть кислое вино приятно освежило рот, гортань. – Знаешь, Фридрих, собираясь сюда, я пожалел, что остальные офицеры субмарины разлетелись кто куда, не собрать их теперь воедино... А следы некоторых и вовсе пропали, особенно тех, кто в свое время завербовался во французский Иностранный легион и отправился воевать в Алжир.

Фридрих осторожно долил фужеры, поднес свой к толстым губам.

На полном лице и особенно в добрых зеленых глазах мелькнула искорка сожаления к тем, кому в жизни так крепко не повезло.

– Нужда толкнула их на отчаянный шаг. Хорошо мне, специальность оказалась подходящей. А как жить тем, кто только и умел целиться, рассчитывать секунду залпа и нажимать красную кнопку. Да, прости меня, Отто, не спросил – ты здесь по делам службы от сената или свои коммерческие дела проворачиваешь?

Отто Дункель привстал из кресла, прикрыл плотно иллюминатор.

– Я здесь потому, что здесь мой друг и единомышленник, не так ли, дружище Фридрих? Я надеюсь, ты не вступил еще в этот чертов Конгресс демократов? Это теперь как модная зараза пошла среди белого населения южной Африки, словно все с ума посходили, не понимают, что нигеры от этого только наглеют, видя нашу разобщенность.

Кугель едва не поперхнулся, вскинул брови и, боясь, что ослышался, уставился в лицо невозмутимо спокойного фрегаттен-капитана, хотя тот секунду назад разразился такой страстной тирадой.

– Ну что ты, Отто! Возможно ли – мне и в эту сволочную кучу? – с обидой ответил Фридрих и тут же заверил, перекрестившись: – Доведись снова быть какой заварухе, можешь вполне рассчитывать и на меня, и как на штурмана и как на рядового стрелка из автомата!

– Вот это те слова, которые я и хотел от тебя услышать! Отлично. – Отто большим глотком допил вино, встал и начал прохаживаться по каюте, поглядывая на выжидательно следящего за ним Кугеля. – Теперь, освежившись прекрасным вином, – к делу, дружище Фридрих. Какие у тебя по нынешнему времени планы на ближайшее будущее... А вино и в самом деле приятное. После жары хорошо освежает голову. Налей еще, если в бутылке что-то сохранилось. – Он взял фужер, подошел к иллюминатору, открыл его и подставил лицо под легкое дуновение удивительного и неповторимого по аромату океанского ветерка. Но больше всего ему хотелось убедиться, что никто не подслушивает под дверью.

Фридрих из глубокого кресла, пожав плечами, ответил равнодушным тоном, как человек, который и не стремится что-то планировать на много дней вперед:

– Какие особенные могут быть планы? Да никаких. Вот, собирался сойти на берег, побывать дома, навестить детей. Старший, Хельмут, должен внуком порадовать... Может, я уже дедом стал! Никогда не думал, что я когда-нибудь могу стать дедом! И надо же – время пришло... А ощущение в душе такое, будто мне все те же неразменные тридцать три года, как у бессмертного Иисуса Христа.

– Поздравляю! Сын по-прежнему служит в полиции?

– Да-а, – протянул Фридрих с некоторой настороженностью, словно опасался, что отчаянный и авантюрный по характеру Дункель может просить от его сына каких-то противозаконных услуг. Одно дело – друг другу служить по старой дружбе, другое дело впутывать в это своих «незапятнанных» детей. – А что? Дело надежное, без работы не останется. И у властей на виду – уже комиссаром полиции служит, в портовом городе Дурбане.

– Молодец Хельмут! Я искренне рад за него. – Отто с фужером у груди отошел подальше от иллюминатора, понизил голос до тихого, а сам цепким, словно у гипнотизера взглядом неотступно следил за лицом Фридриха, стараясь уловить хоть секундное замешательство, если бы таковое вдруг возникло у него. Высокий лоб Кугеля от терпкого вина, а может быть, и от внутреннего напряжения покрылся легкой испариной. В предстоящей поездке в Австралию и... еще дальше очень многое зависело от исхода этой беседы и от того, насколько искренним будет старый сослуживец. – Итак, о твоих ближайших планах, Фридрих?

– В субботу выходим обратным рейсом в Мельбурн, вот и все планы. По возвращении из Австралии фирма хочет поставить «Британию» в док на текущий ремонт и очистку корпуса.

– Это на несколько месяцев! – обрадовался такому известию Дункель и прищёлкнул пальцами левой руки – в правой был фужер с недопитым вином. – Непременно запланируют переборку ходовой части машины, проверят электрооборудование, компрессоры, турбины...

– Как всегда, мой фрегаттен-капитан... будут проверять все.

– А может ли «Британия» вернуться из Австралии без тебя?

Неожиданный вопрос так озадачил Кугеля, что он крикнул и уставился, не понимая, в лицо Дункеля, который маленькими глотками продолжал смаковать понравившееся вино. Увидев выражение лица Фридриха, засмеялся, сняв напряжение с бывшего штурмана.

– Почему же без меня? – наконец-то спросил Фридрих. – Куда же я подевался? Не унесли же меня тамошние кенгуру в своих необъемных сумках! Слишком грузен я для них.

– Ну-у, скажем... – и Отто, раздумывая, неопределенно пожал плечами, – если бы решил провести несколько месяцев в Австралии, пока «Британия» будет стоять в доке здесь. А потом возвратился бы домой другим пароходом... И как тебе эта мыслишка?

Фридрих подумал, допил вино и поставил фужер на стол, повозил ладонью по гладкой поверхности столешницы.

– Разумеется, капитан Гарри Клинтон смог бы обойтись в этом рейсе и без меня. Бобби Дукакис – весьма толковый навигатор, он порадовался бы возможности проявить свои способности и знания... Но что я буду делать в той Австралии? Гоняться за прыгучими сумчатыми – брюшко и давление не позволяют. Кенгуру прыгает на несколько метров, мне и одного не одолеть без тренировок.

Засмеявшись, Отто встал около Кугеля, положил ему ладонь на плечо, одобрительно похлопал, успокаивая друга.

– Представляю себе кино – мой штурман с большим сачком в руках гоняется по австралийским прериям, норовя кенгуру, как мотылька, прихлопнуть! Нет, Фридрих, дело более серьезное и для тебя весьма привлекательное. Что ты скажешь, если я предложу тебе заработать в два-три месяца денег на собственную океанскую яхту? – Увидел снова растерянное лицо Кугеля, у которого нынешний день, похоже, стал днем сплошных сюрпризов! – наклонился над столом и включил белоснежный настольный вентилятор, направив струю воздуха на вспотевшего штурмана. Кугель достал платок и утер щеки и шею, выдохнул протяжно:

– Как?! Неужто там опять началась золотая лихорадка? – Выбитый из состояния покоя неожиданным напоминанием о своей заветной мечте – прогулочной яхте – Фридрих медленно входил в «кильватерную» струю бывшего фрегаттен-капитана. – Но мы только что оттуда, а из Кулгарди не было никаких подобных слухов.

– В Кулгарди нам, дружище Фридрих, делать нечего... Пусть там в подземелье роют норы эти презренные кроты. А таким морским волкам, как мы с тобой, дорога лежит в океан. И твоя мечта там же, в океане! В царстве коварного Посейдона, сам знаешь, золотишка не меньше, чем в подземном царстве мрачного Аида.

Фридрих легонько присвистнул – неужели пройдоха Железный Дункель раздобыл какие-то сведения о доступном месте с затонувшими сокровищами? Но почему он стремится в Австралию, тогда как каравеллы с золотом инков лежат на дне Атлантики! Да-а, не легко разгадать этого Черного Волка!

– Ну так что, согласен поработать со мною два-три месяца? Если согласен – ударим по рукам. По окончании предприятия я предоставлю тебе возможность купить самую супермодную прогулочную яхту. Тогда сможешь бросить эту однообразную работу, будешь катать богатых туристов из Европы и Америки вдоль побережья, стричь с них золотое руно и попивать лучшие вина.

– Отто, видит мой бог, я верю тебе... Но как ты намерен...

– Это уже моя забота, дружище Фридрих, где и как, – обрадовался Отто, перебив друга на полуслове. – Ну, допьем бутылочку... И я рад, что ты мне веришь. Именно сейчас я очень нуждаюсь в твоей помощи, иначе не стал бы просить ехать со мной к дьяволу, вернее, к Посейдону в пасть! Вдвоем мы сдюжим. Как сдюжили в сорок третьем, когда были на волосок от смерти. Помнишь?

Кугель сжался в комок, сам себя почувствовал колючим морским ежиком, едва только из недремлющей памяти всплыл тот страшный день. Вернее, не день, а всего лишь несколько роковых минут...

Штормило третьи сутки подряд. Подводная лодка, не рискуя подняться даже под перископ, курсировала в районе ожидания, работая на аккумуляторах в самом экономичном режиме. К исходу третьей ночи...

– Фрегаттен-капитан! – через овальный люк в командирский отсек протиснулся угреватый лицом механик Фетман, вытянулся и козырнул. – Аккумуляторы садятся, надо всплывать на подзарядку.

Отто Дункель провел пальцами по лбу, потом по затылку, стараясь этим привычным массажем снять напряжение с головы, взглядом проверил время на циферблате круглых, во тьме светящихся морских часов. Скоро там наступит рассвет.

– Штурман, где мы находимся? – спросил он у Фридриха Кугеля, который у него за спиной на разноцветной карте вел прокладку курса, то и дело снимая показания с гирокомпаса, лага, внося поправки на дрейф от течения в морских глубинах, вычитанных из лоций.

– Наши координаты, фрегаттен-капитан, шестьдесят восемь градусов и сорок минут северной широты и десять градусов и тридцать минут восточной долготы. Мы на одной параллели с портом Трамсё, почти в двухстах милях от берега.

– Клянусь священными водами Стикса, именно здесь ожидается возвращение английских эсминцев, которые сопровождали караван союзников до Мурманска! – От досады Отто кулаком двинул по рабочему столу с корабельной документацией. – Можем влететь в неприятную ситуацию!

– Без подзарядки мы долго не протянем, – настаивал механик, и он был прав. Эсминцы, если пройдут через этот район в светлое время суток, и вовсе не дадут возможности зарядить батареи.

– Продуть балласт! – отдал приказ Дункель, и вскоре почувствовал, как субмарина медленно пошла вверх, четко реагируя стальным корпусом на крепкое объятие моря. Матрос на глубинометре монотонно докладывал:

– Глубина сто пятьдесят футов, сто двадцать футов... Глубина сто футов. Подъем протекает ритмично.

– Поднять перископ!

Отто прищелкнул глазами к окулярам, но кроме черно-серого полога разглядеть ничего не мог. Молчал и запущенный эхолот, не показывая присутствия поблизости вражеских кораблей. Будь даже ходовые огни чужих кораблей под носом, и то не различить их в тумане. Единственное, что смог понять, так это то, что шторм, похоже, приутих.

– Проклятый туманище! Всплыть на поверхность! Боевому расчету артиллеристов – к пушкам! Боевая готовность номер один! – после минутного колебания приказал фрегаттен-капитан и по вертикальному трапу начал подниматься вверх. – Никому со своих мест не сходить до приказа – я сам разведую обстановку. – Отдраил люк, откинул за спину, вылез на мокрую палубу ходового мостика. В лицо пахнуло пьяняще свежим воздухом моря. Совсем близко бились невидимые в тумане тяжелые волны, накатываясь на округлые бока субмарины: шторм и в самом деле утих, и это порадовало.

– Ну как там, фрегаттен-капитан? – подал голос снизу нетерпеливый Кугель, жадно втягивая в широкую грудь тяжелый и влажный воздух, который через люк потек в смрадные, заполненные отработанным воздухом отсеки.

– Как на подземной переправе через Ахеронт¹¹, милый Фридрих! Так же жутко и темно, даже собственного форштевня не вижу, – ответил Дункель. – Фетман, включай дизель для подзарядки! Экипажу небольшими группами подвахтенных подниматься на палубу, на пять минут для перекура и воздушного моциона!

Последними поднялись покурить на свежем воздухе офицеры. Близился рассвет, но туман стоял плотный, слоистый...

За шумом собственного дизеля не сразу различили шум чужих винтов, а гидроакустик, как потом выяснилось при разбирательстве этого ЧП, на десять минут снял наушники, чтобы выйти подышать на палубу и по возвращении успел проглотить консервированную гречневую кашу. И это едва не погубило и лодку и весь экипаж!

– Черт побери! На нас что-то лезет! – вскрикнул на юте субмарины Кугель. Как от крепкого неожиданного удара током Дункель дернулся всем телом на тесной площадке ходового мостика. Ожидая самого худшего – тарана, моментально обернулся лицом к корме – рассекая туман форштевнем, словно нож подтаявшее сливочное масло, из белой мглы на субмарину, безмятежно покачивающуюся на пологих волнах, стремительно надвигался стальной гигант. На корабле рулевой, не сразу признав в черном длинном предмете неприятельскую подводную лодку, резко положил руль вправо, и эсминец – а это был именно он! – по инерции заваливаясь на левый борт, прошел буквально в четверти кабельтова от форштевня субмарины. Еще бы чуть-чуть, и он перерезал бы ее надвое.

На ходовом мостике эсминца вахтенные офицеры что-то закричали, запоздало взвыла сирена, показывая, что корабль будет расходиться с подводной лодкой левым бортом.

– Срочное погружение! – скомандовал Отто Дункель, наблюдая с замиранием сердца, как выкрашенный в серо-зеленый цвет корпус боевого корабля проплывает мимо: жаль, торпедный залп дать он не успеет – командир торпедистов и его помощник с сигаретами в зубах окаменели на юте. Промелькнула овальная корма, винтами вспененная вода, будто шквал кипятка, окатила подводную лодку так, что бывшие на юте офицеры тут же ухватились за леерное ограждение, чтобы не оказаться в жуткой пучине холодного моря. Прошло десять-пятнадцать томительных секунд в общем оцепенении... и эсминца словно не было, исчез, как исчезает из поля зрения Летучий Голландец, когда к нему приближается другой корабль...

– Может, не опознали? – нерешительно подал голос артиллерист Гюнтер Цандер, одним из первых проворно исчезая, мимо фрегаттен-капитана, в душную и тесную утробу субмарины.

– Как же, не заметили! – с палубы отозвался Кугель. – Кита от подводной лодки и пьяный матрос отличить может, а не только вахтенный офицер! Сейчас опомнятся и кинутся глушить нас громкими мыльными пузырями, надо побыстрее...

И тут, как бы в подтверждение сказанных штурманом слов, из тумана приглушенно застучал крупнокалиберный пулемет, за ним второй, третий. Волны, словно живые твари, зафыркали десятками столбиков воды, а штурман Кугель вскрикнул от боли, повалился на мокрую палубу и кувыркнулся к боковой стойке, к которой был прикреплен натянутый трос ограждения.

Субмарина уже начала погружение.

– Отбой погружению! – едва не сорвав голос, крикнул вниз Отто и по вертикальному трапу с ходового мостика на руках – ногами перебирать по ступенькам было некогда! – соскользнул на палубу, подбежал к Фридриху. У Кугеля из пробитого пулей колена на темный и мокрый корпус хлестала кровь...

– Держись, Фридрих! – Он ухватил Кугеля за ворот штормовки и с немалым усилием потащил к рубке. – Помогите, черт бы вас побрал! – закричал он на мостик. Оттуда с обезья-

¹¹ Ахеронт – «пограничная» река в царстве мертвых, через которую перевозчик Харон перевозил в царство Аида души умерших (греч. миф.).

ней ловкостью слетел по трапу сигнальщик, потом вылез Цандер, сообщая, что приняли Кугеля и втащили на ходовой мостик. Возились с раненым штурманом не более минуты, но под грохочущими стволами вражеского эсминца эта минута показалась жутким часом.

– К доктору! Живо тащите штурмана в лазарет! – распорядился Отто, а сам, прежде чем задраить люк, еще раз глянул во тьму предутреннего тумана. С юга, куда умчался английский корабль, продолжали, будто сквозь вату, стучать крупнокалиберные пулеметы, но свинцовые гостинцы рассекали глянцевые склоны волн справа, в сотне футов от подводной лодки.

– Срочное погружение! Убрать перископ! Акустик, пеленг на корабль противника?

– Пеленг сто восемьдесят два градуса, герр капитан. Пеленг не меняется!

– Дистанция? – тут же запросил Отто Дункель, лихорадочно соображая, какой маневр лучше всего предпринять, чтобы избежать плотного контакта с эсминцем и не угодить под его глубинные бомбы, которые Кугель шуточно называл «громкими мыльными пузырями».

– Дистанция четыре кабельтова... дистанция три с половиной кабельтова... Пеленг не меняется! Дистанция три кабельтова. Они идут на таран! – Акустик уже не докладывал, а истошно надрывался в наушниках. Весь экипаж знал, что может произойти в любую секунду – эсmineц развернулся, гидропеленгатором поймал лодку и идет прямо на цель, а у фрегаттен-капитана, увы, нет еще ни скорости, ни достаточной глубины для маневра и уклонения от этой гибельной атаки...

– Полный вперед! – подал команду Дункель. И хотя внутри все кипело не хуже, чем вода за кормой стремительно идущего на них эсминца, внешне он старался выглядеть спокойным, уверенным в том, что выход из критической ситуации у него всегда найдется. Субмарина едва лишь скрылась под водой и все же запросил:

– Глубина погружения? – Отто знал, что на такой, практически нулевой глубине эсmineц не сможет воспользоваться глубинными бомбами – у него остается только таран!

– Глубина пять футов! Глубина восемь футов! – невозмутимо называл с глубиномера флегматичный матрос, как будто речь шла не о спасательных футах глубины, не о спасении жизни экипажа, а о рыночных ценах на капусту в его родном и далеком Гамбурге.

Сняв фуражки, офицеры в командирском отсеке замерли в ожидании удара, потом скрежета разрываемого корпуса и смертельного холодного потока воды в отсеки... И даже всегда выдержанный при подчиненных Отто Дункель, забыв в мыслях помолиться, с ужасом втянул голову в плечи, когда над ними прогудела, казалось, задевая волосы, в считанных дюймах, ревущая винтами стальная машина, а спустя некоторое время глубоко под ними и за кормой рванули сброшенные в море противолодочные глубинные бомбы. Командир корабля немного просчитался, решив, что субмарина успела погрузиться на гораздо большую глубину.

– Стоп машины! Выбросить за борт имитатор нашего потопления! Пусть капитан эсминца увидит мазутные пятна и обломки... А мы тем временем отлежимся на грунте... – Дункель достал платок – лоб и виски были мокрыми как после приема душа. Взял себя в руки, подмигнул Цандеру. – Вот так дела-а... Наверняка дома молились за нас в эту роковую минуту...

– Да-а, дружище Фридрих, то была у нас памятная минутка, – с оттенком былого пережитого ужаса вздохнул Отто и непроизвольно провел пальцами по лицу, сгоняя неприятное оцепенение. – После того случая только в Гибралтаре, у знаменитых столбов моего «друга» Геракла, я вот так же дрожал от страха, когда уходили под брюхом огромного танкера, прорываясь сквозь заграждения союзных противолодочных кораблей из Средиземного моря в Атлантику.

Фридрих Кугель, в такт собственным мыслям о тех былых днях, с задумчивым выражением лица кивнул кудрявой головой, потом кашлянул в кулак и поднял внимательный взгляд на бывшего фрегаттен-капитана. В зеленых, чуть прищуренных глазах и настороженность и

готовность, как прежде, идти на смертельный риск. Спросил негромко, словно о повседневном пустяковом одолжении:

– Какая тебе помощь нужна, Отто? Говори, сделаю без всякой оглядки... хотя бы и ограбить здешний банк!

Дункель тихо рассмеялся и под шум вентилятора попросил:

– Банк грабить нам нет нужды, дружище. Закажи от своего имени три билета на ваш пароход. И пусть служащий привезет их прямо к трапу, чтобы никто не видел меня с теми билетами ни у касс, ни в гостинице. Подбери парочку надежных ребят из твоей службы, самых доверенных, пусть они постоянно «тралят» у меня за кормой. И если кто-то обратит на себя более чем обычное внимание, дадут знать тебе. Особенно тщательно надо следить за телеграммами, которые будут отправляться с «Британии». Важно знать, не ставят ли нам по курсу противолодочные сети, а то и придонные мины. В путешествии – как на неоконченной войне, все тот же риск и выучка.

– Телеграммы отсылаются только по распоряжению капитана и в самых экстренных случаях, – пояснил Фридрих, по-прежнему внимательно вглядываясь в лицо Железного Дункеля. По глазам, по мимике он пытался определить, что же тот задумал? Действительно ли решился искать затонувшие сокровища, или же что-то другое и безрассудно отчаянное зародилось в его бесшабашной по смелости голове? И какие последствия могут быть для них? Но так или иначе – они снова вместе, снова идут по фарватеру, засыпанному противолодочными минами. Идут одни, без предварительного траления, а стало быть... Но прочь сомнения, если решение уже принято!

– Какая наивность! – тихонько присвистнул Отто на последние слова штурмана и посмотрел на Фридриха, как на несмышленного ребенка. Даже головой укоризненно мотнул. – Радисту десять – двадцать фунтов стерлингов не протрут нищенского кармана. Отстучит – и никто не увидит этих буковок в эфире.

– Понял. Будем следить за всяким, кто пойдет на контакт с радистом. – И Фридрих легонько прихлопнул ладонью о круглое колено.

– А еще лучше пообещай ему пятьдесят фунтов или в долларах, если он сам будет показывать тебе эти телеграммы. Вот мы и окажемся в курсе тайной войны против нас.

– Принято и занесено это приказание, мой фрегаттен-капитан, в наш будущий вахтенный журнал.

– Вот и отлично. Пока все, остальное – по ходу сражения, – засмеялся Отто, потирая ладонями.

– А потом? Что мы будем делать в Австралии?

– В Мельбурне я планирую зафрахтовать океанскую яхту и показать Вальтеру и Карлу тамошние превосходные по красоте места, на Тасмании и на Новой Зеландии... Для такой прогулки нужен опытный штурман. И не только опытный, но и доверенный друг, каким для меня всегда был и будет только Фридрих Кугель... Знаешь, – неожиданно добавил Отто, – ты и дома пока не говори, что останешься в Мельбурне. Лучше оттуда пришьлешь телеграмму, будто подвернулся временный выгодный контракт и ты остаешься подработать. Принято?

Улыбнувшись, Фридрих протянул руку, и они хлопнулись ладонями, закрепляя договор, от которого зависело счастье каждого из них.

– Зер гут, как говорят истинные немцы, а не это овечье блеяние «о'кей»! – развеселился Дункель. – Ну, теперь мне пора на погружение и перемену позиции. Прощай, дружище, и до встречи на борту вашей «Британии».

Он встал из кресла, снова надел парик, старательно перед небольшим круглым зеркалом на стене шкафа приладил усы и, прихрамывая, направился к трапу, постукивая тростью о выскобленную до цвета яичного желтка палубу.

Фридрих, чтобы с причала их не увидели вместе, не пошел провожать фрегаттен-капитана. Он собрал накопившееся за рейс белье и принялся укладывать в чемодан, размышляя, что не на простую прогулку направляется Отто Дункель, если обещает ему, Кугелю, выступить в качестве сказочного волшебника – исполнителя заветной мечты. А самой заветной мечтой штурмана было стать владельцем океанской моторно-парусной яхты, чтобы катать богатых туристов по курортным местечкам океана и тем безбедно содержать свою семью, да и внукам кое-что оставить в наследство.

– Дай бог ему, а стало быть, и мне, удачи, – прошептал Фридрих и с полотенцем в руках подошел к иллюминатору глянуть, сошел ли с трапа Железный Дункель, бывший любимец фюрера...

Сойдя на пирс, Дункель внимательно осмотрелся – не мелькнет ли перед глазами второй раз за эти полдня чье-нибудь не в меру любопытное лицо? – и потихоньку поковылял к выходу из порта, в сторону высокого здания с вывеской «ПОРТ-ЭЛИЗАБЕТ» и с другой, бьющей в глаза черномазым, надписью «FOR EUROPEANS».

Когда миновал контрольные ворота с такой же надписью, но помельче буквами «Для европейцев» и с дюжиной полицейских, которые проверяли паспорта едва ли не на каждом шагу, очутился на шумной автостраде с потоком машин в середине и пешеходными дорожками по бокам. Не желая брать такси, решил своим ходом, с контрольными остановками и с оглядкой, потихоньку пробираться к гостинице.

* * *

Отто Дункеля в номере ждали не только Карл и Вальтер, которые азартно играли блиц-турнир из двадцати четырех партий в шахматы. Гораздо с большим нетерпением, а вернее, со страхом, ждал его старый повар Али. В стылом оцепенении, сжавшись на краю дивана в отведенной ему комнатке, он чутко прислушивался в еле слышные шаги в коридоре, ловил миг, когда повернется в дверях ручка и щелкнет навесной замок...

С той самой минуты, когда до его ушей долетели грубые слова хозяина о предстоящей репатриации «всяких азиатов», он не находил себе покоя. И беспокойство это росло в душе верного индуса с каждым днем, с каждой случайно приоткрытой чужой тайной – ненароком увидел, как молодой господин Вальтер «ненароком» подвез Амриту на своем роскошном автомобиле. Встретив дочь на кухне, Али по ее счастливым сияющим глазам без труда понял – она любит и любима!.. Прямое признание молодого господина Дункеля о намерении жениться на Амрите поначалу обрадовало, а потом привело в высшую степень отчаяния: он успел перехватить искрометный взгляд Отто Дункеля на сына, а с Вальтера и на смутившуюся до бледности Амриту. Взгляд этот не обещал молодым райского счастья...

«Бедная девочка! Не по себе в напарники выбрало твое доверчивое сердце! В этой стране, где на каждом углу спотыкаешься глазами о позорные вывески “ДЛЯ ЕВРОПЕЙЦЕВ”, “ДЛЯ ЦВЕТНЫХ” никогда не быть браку белого господина с темнокожей девушкой!»

И еще одно подтверждение, что тревожился он в день отъезда не напрасно. Случайно не успев уснуть в своем купе, слышал, как старший из братьев заявил молодому господину Дункелю, что их отец никогда не даст своего согласия на брак с Амритой. Али и раньше знал, что хозяин – расист, но то, что ненависть белого господина обращена не только к полудиким неграм, но и к потомственным индусам!.. К народу, который своей древнейшей культурой и историей намного богаче заносчивых европейцев, – это для него было настоящим убийственным открытием, потрясшим душу до самых сокровенных уголков. С глаз верного Али словно розовая пелена слетела. Вспомнились ворчливые разговоры горбатого и полуглохого Тюма-хера, который до появления в доме Отто Дункеля работал на руднике, о неравной оплате за одинаковый труд среди белых, желтокожих и несчастных негров. А ведь у каждого из них, у

азиата или у негра, семья, дети, жилье в нищих кварталах и в рабочих деревнях, превращенных в настоящие резервации с колючей проволокой, на въезде в которые, словно в районы с неизлечимой проказой, висят предостерегающие от случайного вторжения вывески «ДЛЯ ЧЕРНЫХ».

«Как жаль, что нет теперь рядом Усмана», – со вздохом подумал Али, прислушиваясь к частому стуку шахматных фигур, который доносился через приоткрытую дверь – вдруг да еще что важное услышит?

Али гордился своим сыном. Выходец из штата Тамилнаду в теперешней далекой Индии, родом из касты кшатриев – касты воинов, он сам постарался сохранить в себе и передать сыну наступательность духа, умение мужественно сносить удары судьбы, как сносит их истинный воин, владеющий всеми приемами древней борьбы силамба. Будучи довольно терпимым к разным религиям, Али хорошо знал и постоянно перечитывал древний эпос «Махабхарату», и не раз в своих мечтах видел, как его храбрый Усман, подобно народному любимцу Арджуну, один повергает в бегство тысячные полки алчных и злобных европейцев, изгоняя их и с этой африканской земли, которая стала для сотен тысяч индусов второй, если уже и не первой, родиной...

«Что задумал хозяин? – терзался душой в догадках Али, от вынужденного бессилия сжимаемая пальцы в кулаки. – Какие же хлопоты, да еще большие, ждут его из-за Амриты? Зачем он послал цепному псу Цандеру такую страшную телеграмму? И как должен позаботиться о моей бедной дочке этот Бульдог Гюнтер?»

Несчастный Али оглянулся на приоткрытую дверь – из соседней комнаты все так же доносились громкие выкрики, азартно стучали свинцом залитые фигуры, шелкали шахматные часы – достал из грудного кармана скомканный бланк, разгладил его. Слова «позаботиться об Амрите... меня ждут большие неприятности...» жгли глаза хуже неразведенного уксуса. Ясно одно – хозяин и этот квадратный охранник Цандер что-то замышляют против его дочери! Но что?

«Да что угодно! – сам себе ответил Али. Резко распрямив спину, он обоими кулаками пристукнул о стол с полированной крышкой цвета серого мрамора. – От этих немцев можно ждать все!»

«Так что же делать ему, слуге белого господина, родом из касты кшатриев? Смириться и оставить по-прежнему дочь в руках Цандера? Смириться и смотреть в глаза бывшему фашисту преданно? И ждать, что может произойти с Амритой? Или все же проявить дух бывшей непокорности, которая все еще в крови бродит, и постоять за родовую честь и достоинство? Что именно теперь, издалека, можно сделать во имя спасения дочери? А что если так...»

Али решительно соскочил с дивана, одернул на себе несколько просторный белый костюм, шагнул к двери – решение пришло, как показалось, к нему свыше, может от самого господина Кришны, а потому и самое верное. Лучше нападать на своих противников первым и внезапно, не дать им времени повредить в чем-то, а то и погубить Амриту!

«Именно так! Надо срочно послать телеграмму Усману. Он заберет Амриту к себе. Да и Раджане лучше будет убраться из дома Дункелей. Потеряет службу, зато спасет себя и дочь от беды...»

В почтовом зале по-прежнему почти пусто. Али заполнил бланк и, постоянно оглядываясь на стеклянную дверь фойе – не пропустить бы возвращения хозяина! – подал его в окошечко вместе с деньгами. Когда вышел вновь в фойе, то кроме двух пожилых мужчин у стойки администратора и одного долголицего господина в темных очках и с короткими усиками в кресле около бочки с пальмой – этот читал газету «Френд» на английском языке – никого не было.

При появлении Али господин с лицом колли неожиданно отложил газету на журнальный столик у кресла и поманил его пальцем к себе. Повинуясь жесту с некоторой долей опасения

– ведь совсем недавно господин Дункель строго-настрого запрещал ему с кем бы то ни было говорить! – подошел с легким поклоном.

– Твой хозяин у себя? – спросил странный господин на английском языке, но с акцентом, похожим на акцент немцев. Только у Дункеля голос звонкий и чистый, как у трубы образцового оркестра, в то время как этот господин говорит с легкой хрипотой, словно картавил с раннего детства, или курить начал весьма давно и прокоптил свои легкие.

Али не счел нужным скрывать очевидное и ответил, что хозяин довольно давно покинул номер и ушел куда-то.

– Таузенд тейфель!¹² – прокричал что-то господин в очках, усы дернулись влево, как у неуравновешенного человека, перенесшего первый легкий удар давления в голову. – Как же! Я сижу здесь едва ли не с утра и не видел его выходящим! Не мог же он улететь через окно или через крышу!

Али молча пожал плечами, и это при его невозмутимом выражении лица можно было истолковать двояко – и как не желание раскрывать тайну господина, и как элементарную неосведомленность слуги.

– А куда вообще думает ехать господин Дункель? – снова любопытствовал господин Колли, как мысленно окрестил его Али. – У меня нет достойных попутчиков, и я охотно бы просил господина Дункеля разделить со мной свои путевые заботы. Так куда же...

– Извините, господин... – только и сказал на это Али, а глазами и мимикой напомнил, что не со слугой ему надо говорить на эту тему.

– Да-да, любезный, конечно, я дождусь твоего хозяина.

Али откланялся и поспешил по лестнице вверх, от волнения позабыв про лифт, открыл дверь и... едва не вскрикнул – перед ним стоял сам Отто Дункель! Али знал, что хозяин был в городе, и довольно долго, но выглядел так, будто только что вернулся из бассейна: лицо свежее, умытое, а волосы слегка влажные и аккуратно зачесанные назад. У ног на коврике стоит небольшой светло-коричневый саквояж – его раньше у хозяина не было.

– Что с тобой, Али? – строго насупив брови и каким-то настороженным тоном спросил Дункель, видя, что слуга усиленно пытается справиться со своим испуганным лицом. – Где ты был только что?

– Выходил молодым господам купить свежие вечерние газеты, но их еще не привезли, – соврал Али и, кажется, весьма удачно. О господине в темных очках и с волнистой челкой на низком лбу, что еще больше делало его похожим на колли, благоразумно решил не говорить – пусть сами разбираются между собой, у него и своих забот предостаточно.

– Распорядись об ужине. Пусть подадут в номер. – Видимо, удовлетворенный разъяснением Али, Отто Дункель поднял саквояж и ушел в комнату к сыновьям, плотно прикрыв за собой дверь.

«Когда же и как он вернулся? – недоумевал Али, осторожно ступая по доскам и прислушиваясь к доносившимся словам за перегородкой, но о чем говорили – не понять. Опустился на диван у окна, охватил голову руками. – Ведь я постоянно смотрел через стеклянную дверь и через большое окно в сторону главного входа. Наверно, когда подавал бланк в окошечко... Но тогда почему его не видел господин в очках? – поразился Али и с ужасом посмотрел на стену, за которой находился Дункель, словно боялся увидеть на ней отпечаток всевидящего глаза хозяина. – Этот Колли сказал, что был в кресле напротив двери с раннего утра! Он не видел ни уходящего Дункеля, не видел его и входящим!

– Всесильный Кришна! Неужели мой хозяин – оборотень? – прошептал на своем тамильском наречии обескураженный, сбитый с толку Али. – Ничего-о, понемножку разберемся, что к чему... Главное, чтобы Усман успел увезти Амриту к себе, пока этот Бульдог Цандер не натво-

¹² Таузенд тейфель! – Тысяча чертей! (нем.)

рил бед! – Али встал с дивана, огладил руками лицо, помянул всевышнего Кришну. – Хотел бы и я восплясать на спине этого Бульдога, как плясал Кришна на стоголовом змее Калийи! Возьми себя в руки, Али, сын и внук достойных кшатриев, и жди терпеливо своего часа!

Спускаясь со своего этажа, Али снова вспомнил немца с усиками и в темных очках.

– Интересно было бы посмотреть, а тем более подслушать их разговор, когда этот Колли поднимется в номер к Дункелю. О чем будут беседовать? Кто он и откуда? И, главное, зачем ему надо знать, куда именно собрался путешествовать мой хозяин?

Но господина в очках в полупустом фойе он, удивившись, больше не увидел.

* * *

Возвратившись в номер, Отто сразу же прошел в свою комнату. На громкий вопрос Карла: «Отец, это ты?» – ответил утвердительно, снял туфли, пиджак, накинул на плечи легкий халат и, опустившись в удобное низкое кресло, с наслаждением вытянул уставшие ноги.

– Фу-у, ну и жара здесь у них! – пробормотал он, потянулся рукой к пузатому сифону, расписанному зубастыми китайскими драконами, налил газированной воды, выпил одним глотком. Из кармана пиджака, повешенного рядом на спинке стула, достал платок, утер лицо, которое почти мгновенно вспотело после газированной воды. Потом провел платком по влажным волосам – отсырели под париком.

«Интересно, кто же установил такую пристальную слежку за мной? И что замышляют? Неужели в моей кильватерной струе идет целая пиратская эскадра? Устранять меня именно сейчас им нет никакого резона. Как политическая фигура я пока еще не велик и меня легко можно заменить другим сенатором... Выходит, о чем-то пронюхали или только догадываются? Тогда до конечной гавани не тронут, а будут только неприметно конвоировать. Это даст мне время для маневра и подготовки контратаки».

О том, что за ним уже ведется самая пристальная слежка, почти профессиональная, Отто убедился довольно твердо. Допустив оплошность перед выходом в город, он решил исправить ее по возвращении в гостиницу. Сопровождаемый удивленным молчаливым взглядом швейцара – что-то такого посетителя в своей гостинице он не помнит! – он вошел и внимательно, словно чужую гавань в перископ, осмотрел фойе, увидел у стойки администратора трех приезжих, которые копались в карманах, доставая документы для оформления временного проживания. В креслах сидели еще двое, должно, в ожидании своей очереди: тучный англосакс в клетчатых брюках и в клетчатом светло-зеленом пиджаке, а рядом с ним худой и высокий господин в темных очках и с газетой «Френд». У его ног стоял чемодан. Костюм и ботинки были любимого Дункелем темно-коричневого цвета.

Помахивая купленным в городе саквояжем, Отто прохромал в почтовый зал, взял один бланк и присел к столу, за которым накануне писал телеграмму Цандеру. Нацарапав несколько бессвязных слов с «липовым» адресом в Кейптауне, он скомкал бланк, кинул в корзину, до половины заполненную рванными бланками. Тут же наклонился, словно спохватившись, что сделал не так, и выбрал из корзины четыре скомканных, но не разорванных бланка.

– Ну вот, а то расписался, старый осел, – проворчал сам на себя, разворачивая стандартные светло-серые листки. – Это не тот. И это не мой черновик. Наверно, этот... Нет, чьи-то малограмотные каракули. Адрес полностью не написан, но начинается с Виндхука! Стало быть, «земляк» тут сидел, посылал телеграмму, или... Посмотрим последний экземпляр отбракованной продукции.

Отто, сдерживая начавшееся сердцебиение, поспешно развернул – нет! Это писалось адресату в Дурбан! Он еще раз запустил руку в корзину, прощупал шуршащие бумажки – больше скомканных бланков не было!

Холодный пот выступил под париком. Стало ясно – корзину прислуга еще не убирала, стало быть, кто-то, едва он оставил гостиницу, побывал здесь, для вида нацарапал на бланке, не вдаваясь в последствия, адрес в Виндхук, и добыл из корзины его черновик телеграммы Цандеру! И знает теперь время отбытия, знает, куда он поедет – в субботу из Порт-Элизабета отходит, к несчастью, только «Британия».

Большого душевного напряжения стоило ему совладать с собственными нервами. Подумал было подойти с расспросом к дежурившей крашенной блондинке, не видела ли она, кто именно копался в корзине?

«Не видела! – сам сообразил Отто. – Она сидит гораздо ниже перегородки... Как не видела и меня только что».

Обескураженный случившимся, причиной чему была его собственная неосмотрительность и непродуманность до конца действий, тяжело налегая на трость, провожаемый равнодушными взглядами «Коричневого» и «Клетчатого» и не менее удивленным взглядом администратора, который даже приподнялся со своего места, разглядывая незнакомого хромого господина, Отто по мраморным ступенькам поднялся на второй этаж, вошел в кабину туалета. С огромным удовольствием и облегчением стащил с головы влажный парик, отклеил усы, второе сложил специально сделанную складную трость и все это спрятал в саквояж.

С наслаждением освежил холодной водой лицо и перед большим, почти в рост зеркалом привел себя в порядок, отряхнул с плеч мелкую перхоть – от этой гадости он всю жизнь никак не может почему-то избавиться, хоть и каждый день мой голову. И только после этого не спеша поднялся в номер, обдумывая сложившуюся ситуацию, а она была не из многообещающих приятное...

За стеной громко захохотал Карл, послышался звонкий хлопок крышкой шахматного ящика.

– Все, сдаюсь! Положение мое хуже, чем у фельдмаршала Паулюса под Сталинградом! На этот раз ты вчистую переиграл меня, похоже, я за эту дорогу потерял форму. Отец, Вальтер разгромил меня похлеще, чем Ганнибал римлян под Каннами! Из всей серии партий – две трети остались за ним.

– Молодец, Вальтер. Ты хорошо работаешь мозгами, а это уже кое-что да значит в нашем волчьем мире, – почти машинально ответил Отто. Он глотнул еще пару раз газированной воды, надавив туда лимонного сока, добавил, чуть повысив голос: – Вальтер, голубчик, не поленись сбегать за вечерними газетами. Если нет в почтовом зале, то дойди до киоска слева от центрального входа.

– Бегу! – отозвался младший сын, на ходу заглянул в комнату отца, сделал приветственный жест рукой и, не прикрыв дверь, выбежал через прихожую в коридор. Едва за ним закрылась входная дверь, тихо клацнув замком, Отто негромко позвал:

– Карл, иди сюда. Нечто важное всплывает перед нашим форштевнем, будто перископ чужой подводной лодки по курсу... – И когда Карл опустился в соседнее кресло, серьезный, весь внимание, Отто, поглядывая вправо на безоблачное, розовеющее от заката небо, сообщил сыну, что за ними кем-то организована слежка, подтверждением чему служит пропавшая телеграмма из мусорной корзины, которую он накануне отправил в Виндхук Цандеру с важными инструкциями.

– Может, кто случайно вытащил? Хотя кому придет в голову «случайно» копаться в мусоре, – поразмыслил вслух Карл. Известие неприятно поразило Карла, на скулах заходили желваки, как бывает при первой словесной разборке у молодых, прежде чем пустить в ход кулаки. – Может, за тобой и твоей перепиской следят болтуны-демократы из конгресса? – Он наклонился вперед и сцепил пальцы, острые локти до боли уперлись в колени.

– Скорее всего наши молодчики-экстремисты, если какой-то выживший из ума дурак проболтался дома, что я намерен самым серьезным образом противостоять американцам в

Цамебском бассейне, а для этого предпринимаю меры к приобретению приличных средств, – со скорбью в глазах покался перед сыном Отто. Карл тихонько присвистнул, вскинул светлые брови и с укоризной покачал головой – не ожидал, дескать, я от тебя такого...

– Знаю, знаю, что лишнего сболтнул. И сам не пойму, что за черти дернули меня за язык, и слово вылетело, словно воздух из баллона, едва крутнули вентиль на открытие... Но ведь были только свои! Никого из посторонних и молодых, кто не нюхал пороха!

Карл снова, теперь с удивлением – неужели отец этого не понимает? – сказал со злостью, какой Отто от него и не ожидал:

– Отец, у этих «своих», кроме общей нашей цели загнать нигеров в лагеря за колючую проволоку, есть еще и свои личные и далеко не бескорыстные цели! А для этого они не постесняются ближнему подставить ногу, а то и пулю влить в затылок! А что, если об этом узнали те, кто собирается в партизанские шайки? Для них такой шанс получить сокровища был бы не так уж лишним для закупки оружия в той же Анголе. Что тогда будем делать? Они одиночками не действуют!

– Исключено! «Только для белых!» Черномазый попадет в город из своего пригорода на работу в автобусе с особой отметкой. Если будет шляться по улицам без дела – живо сцапают и сошлют на принудительные подземные работы. Это может быть только белый, только свой сел нам на хвост и следит, что мы будем предпринимать для розыска сокровищ... Если заметишь чью-нибудь рожу более двух раз перед собой, тут же дай знать. Разберемся, что ему нужно да и привяжем к ногам чугунный колосник...

– Хорошо, отец, – ответил Карл, похрустывая суставами стиснутых рук. – Надеюсь, в той телеграмме ты ничего страшного Цандеру не сообщил, за что они могли бы зацепиться, узнать о твоих планах?

– Да не-ет, – после минутного колебания, вспомнив текст, ответил Отто. – Только день выезда на «Британию». – Он резко поднялся на ноги, прошел по комнате от окна к двери, закинув руки за спину. – Но и это уже не мало для тех, кто уцепился за наш хвост. – Об Амрите он решил сыну ничего не говорить, знал, что Карл хотя и относился к младшему брату несколько высокомерно, но по-своему любил его.

Минут через двадцать Вальтер с пачкой вечерних газет поднялся в номер. Отец и брат стояли на балконе и любовались удивительными красками неба: нежно-розовыми оттенками вверху, над головами, и темно-синими над дальним горизонтом океана.

Вошел Али, с ним официант из ресторана.

– Ужин готов, господин сенатор, – поклонился Али, стараясь не смотреть хозяину в глаза.

– Хорошо, Али, накрывайте стол. И себе возьми поужинать. В ресторан тебя наверняка не пустят за стол... одного, без нас. Там только белых обслуживают, – снова посмотрел на бескрайний отходящий ко сну океан, добавил с мальчишеским задором. – Хотел бы я теперь посидеть за одним столом и послушать за бутылочкой вина самые надежные и, как утверждали древние греки, верные предсказания старца Нерая.

Что бы он мог сказать нам в напутствие, а?

Вальтер не выдержал и посмеялся:

– И с его дочками не худо было бы пообщаться, не так ли, отец? Как знать, как знать, может, и придется... Мир велик, и дороги наши известны только Господу.

Глава 2. Перстень с ядом

К белому трапу «Британии» Отто Дункель рассчитывал прибыть последним, чтобы исключить возможность следящим за ним «типам» узнать, куда он направляется дальше. Ведь из Порт-Элизабета можно было уехать поездом до Кейптауна и оттуда во все концы земного шара. Можно было сесть на пароход внутренней линии и подняться на север в портовый город Ист-Лондон или еще дальше, в Дурбан... Конечно, если эти ищейки не владеют именно его копией телеграммы к Цандеру, тогда поспешат за ним следом на этот пароход, идущий в Мельбурн.

Пожилой и непривычно для глаз морщинистый таксист-негр уже доставал из багажника чемоданы, и Отто Дункель вышел из машины, когда к нему подошел румянощекий и светло-волосы матрос, с почтительным поклоном сказал со скверным, правда, акцентом:

– Господин сенатор, ваши билеты доставлены. Прошу вас на борт, каюты третья и четвертая.

И здесь у трапа, пронзительно взвизгнув тормозами, остановился еще один автомобиль ярко-зеленого цвета. Шофер, на этот раз белый и довольно молодой англичанин, услужливо выпрыгнул на бетон причала, открыл дверцу, выпуская пассажира.

– Извините, сэр! Видит бог, впервые подвел мотор. И надо было ему заглохнуть именно сегодня, на полдороге... Вот ваш багаж, сэр!

Я помогу вам поднять его на борт.

– Ангстеггнер!¹³ – выругался по-немецки пассажир и далее бранил уже бедного шофера по-английски. – Из-за тебя едва не опоздал на рейс! Твое счастье, иначе платил бы ты мне неустойку, без штанов остался бы, болван!

Отто, пропустив по трапу вперед Карла, Вальтера и матроса с Али, не без интереса оглянулся на «земляка». И непроизвольно поджал губы – этого «Клетчатого» жирного типа с пушистыми и словно не живыми усищами он приметил еще в день приезда, в фойе гостиницы, когда искал пропавший черновик той злополучной телеграммы. Он принял его тогда за чистокровного англосакса, а выходит, он из бывших...

«Что-то не видно было тебя, бурская свинья, у подъезда, когда мы садились в такси!» – отметил про себя Дункель и тихо сказал вахтенному матросу, который, встретив их у трапа, поклонился с улыбкой, словно знакомому.

– Будь любезен, братец, проводи нас в каюты. – Он отдал дюжему матросу самый тяжелый чемодан и следом за индусом пошел на трап, прислушиваясь, как господин в светло-клетчатом костюме сопел за спиной, поднимаясь вверх, а за ним таксист покорно и виновато нес чемодан и туго набитый какими-то угловатыми предметами раздувшийся саквояж крокодиловой кожи.

Сенатору с сыновьями отвели просторную трехместную каюту по правому борту, Али поместился в соседней одноместной каюте, где все сияло чистотой и свежестью белья.

– Али, тебе не отработать такого путешествия – будешь ехать как настоящий раджа! – пошутил Отто, отдавая ключ от каюты вконец растерянному слуге: у Али была надежда, что, побывав в Порт-Элизабете, отдохнув на здешних пляжах, они вскоре возвратятся домой... Оказывается, хозяин задумал такую дальнюю прогулку по океану, что ей и конца не видно. – Отдыхай, набирайся сил. Будет что потом порассказать тетушке Ранджане и... дочке с сыном!

– А может, хозяин, мне лучше домой вернуться? – попытался использовать последнюю возможность Али, чтобы не отправляться с хозяином неведомо куда. – Правда, отпустите меня домой, видит бог...

¹³ Ангстеггнер – пугало (нем.).

– Ничего не видит твой бог, Али! – несколько грубовато пошутил Отто. – Шапка надвинулась ему на глаза, наверно. – И собрался идти в свою каюту, но Али остановил его, с мольбой сложив руки перед грудью, в глазах само страдание, как у распятого Иисуса Христа.

– Боюсь я большого моря, господин мой. Все по земле да по земле ходил, а теперь – вон страх какой... Говорят, акулы там!

– А ты не прыгай за борт, так и акулы не тронут, – снова пошутил Отто. – Акула не осьминог, лазать по трапу не умеет. – И переменял тему разговора: – Узнай у матросов, на какой палубе ресторан, да закажи нам легкий ужин.

Индус покорно поклонился в спину сенатора, который торопливо ушел в свою каюту.

«Есть знакомые лица на “Британии”, есть!» – поскрипывая зубами, размышлял Отто, вспомнив «портреты» недавних обитателей гостиницы, в которой останавливались. Шестерых уже опознал, пока палубой и коридорами добирались вслед за вахтенным матросом к своей каюте – самая первая от трапа вверх, где начиналась надстройка ходового мостика. Так и просил сделать Кугеля, чтобы никто не маячил у его двери на виду у всех, как это можно делать в сумрачной утробе коридоров.

Длиннолицый «Коричневый» и этот толстяк «Клетчатый» – так прозвал про себя Отто двух попутчиков – поселились неподалеку: первый наискосок в тридцать третьем номере, а второй через пять кают дальше. Где разместились остальные «знакомые», оставалось еще выяснить.

«Ничего-о, – успокаивал себя Отто, – идти через океан не один день, успеем присмотреться к многим, если не ко всем. – Прошел через каюту к борту, приподнял тяжелое круглое стекло иллюминатора и зафиксировал в таком положении винтовым стопором. В прогретое солнцем помещение освежающим потоком влился свежий океанский воздух. Вместе с ним каюта наполнилась громким криком чаек, которые летали у самого борта «Британии», к крику птиц примешивался редкий гудок буксира и легкий плеск волн – океанская зыбь через горловину порта проникала в огражденную молом акваторию, билась о борт и в серый пирс, внизу заросший морскими водорослями.

Карл и Вальтер, шутиливо подталкивая друг друга, устраивались перед дальней дорогой у правой от двери переборки, где стояли углом друг к другу их диваны, накрытые нежно-зелеными пледами.

Вскоре у носа «Британии» послышался бархатный и непривычно ласковый гудок – это портовой буксир, надрываясь чумазой железной утробой, потянул на звенящем стальном тросе океанский пароход, разворачивая его носом в сторону выхода. Другой буксир круглым форштевнем с подушкой из плетенных канатов «бодал» «Британию» в левую скулу, помогая напарнику. Минут через десять далеко внутри, под ногами пассажиров, словно бы начал пробуждаться веками спавший вулкан, задрожала палуба – в машинном отделении парохода заработала машина, за кормой забурили темно-зеленые вспененные валы, вода крученой струей докатилась до бетонной груди причала и подобно разжимающейся пружине словно бы вытолкнула белую железную громаду в сторону океана. «Британия» послала прощальный гудок мигающему за кормой маяку, а вместе с ним и огромному, изнывающему от зноя и духоты континенту, и острым форштевнем врезалась во встречные пологие волны.

Перед ними распахнул свои ласковые и экзотические просторы величественный Индийский океан...

* * *

Утром на вопрос Али, заказать завтрак в каюту, или хозяин с сыновьями спустится в ресторан, Отто Дункель, не долго раздумывая, решил идти в ресторан.

– Посмотрим, что за публика путешествует с нами, – скептически выговорил он и задержался перед большим овальным зеркалом, повязывая к легкому изящному костюму светло-голубой, в косую полоску галстук – под цвет рубашки. Задорно подмигнул собственному отражению, провел пальцами по щеке, проверяя, хорошо ли выбрит. – Ты сходишь позавтракать после нас, а пока сиди в каюте тихо и прислушивайся. Клянусь водами священного Стикса, на этом пароходе полно крыс! Как бы не отважились заглянуть в чужой чемодан. Ты понял меня, Али?

Али без труда догадался, о каких крысах упреждает сенатор, улыбнулся и заверил:

– Не беспокойтесь, мой господин, буду сидеть тихо, как мышь, и слушать, как кот. Ни одна крыса не пробежит незамеченной. – А перед глазами вновь встал тот Колли в черных очках, который интересовался, куда они направляются, а сам так и не представился Дункелям. Очень странный и подозрительный тип!

«Следит за нами, – понял теперь Али, испытывая невольное беспокойство. – А если и он прознал, за какими сокровищами отправился сенатор с сыновьями?» – Али, сам того не желая, нечаянно слышал, как Отто довольно громко похвастал, что старший сын у него отменный аквалангист и что попадись им остров с жемчужными раковинами, так живо обчистят доньшко!.. Но Али и на этот раз не решился сказать хозяину про тощего господина, мысленно махнул на Колли рукой – лично у него никаких сокровищ при себе нет, бояться грабителей ему нечего. Он должен заботиться об одном своем сокровище – Амрите, оставленной в руках под присмотром лютого Бульдога Цандера... Сложенный вчетверо лист казенной бумаги жег старому индусу грудь, и он, чтобы хоть как-то облегчить муки душевные, вынул этот бланк из кармана и сунул под подушку – знал, что сенатор никогда в жизни не позволит себе рыться в постели слуги...

Оставив Али охранять каюту, Отто с сыновьями прошел на верхнюю палубу, где в просторном зале находился ресторан с небольшой, но красиво устроенной эстрадой для музыкантов – эстрада довольно красноречиво напоминала огромную раскрытую раковину со шторами на задней стенке под цвет сияющего на солнце перламутра. Столики расставлены свободно и при необходимости легко убирались, превращая зал в место для танцев. По углам уютно разместились приземистые бочки с пальмами – напоминание о зеленой тверди, которую оставили путешественники за кормой парохода и которая скрылась за горизонтом вчера вместе с утонувшим в глубинах океана вечерним солнцем...

С первого же взгляда Отто безошибочно разделил посетителей ресторана на праздных туристов с их беззаботными «отдыхающими» лицами, и деловых людей, которых служебные обязанности не покидали даже в минуты, когда, казалось, можно было бы и расслабиться.

К вошедшим Дункелям невесомо-скользящей походкой подошел молодой приятно улыбающийся смуглокожий официант... не иначе как из метисов, каких в Южной Африке превеликое множество, с изящным и не без достоинства поклоном спросил:

– Сэр, угодно вам выбрать столик? Можно вот здесь, в углу, рядом с иллюминатором. В полдень этому месту не будет цены, если вы не предпочитаете сидеть около эстрады у самых барабанов, – и снова улыбнулся, давая понять, что обедать здесь много приятнее, чем в середине зала, или у самой эстрады с ее громом и визгом.

Отто глянул в крупные черные глаза официанта и подумал: «Мне угодно было бы не видеть твоей черномазой рожи! Копни твою родословную, так окажется, что папаша или дед и по сей день владеет какой-нибудь известной усадьбой, или в сенате важничает! Кланяешься с почтением, а все же подлый нигер! И наверняка связан с партизанами! Они охотно вербуют из таких вот служек своих осведомителей».

– Пожалуй, этот столик и в самом деле удобен, – после короткого размышления согласился Отто Дункель, – отсюда весь зал, будто чужая бухта с ходового мостика всплывшей субмарины, просматривался без помехи. Отгороженный от входа густой пальмой, столик возвы-

шался над остальным залом на фут, не менее, но этого было достаточно, чтобы головы ближних посетителей не закрывали «горизонт» для обзора.

– Интересно, интересно, чем у вас кормят такую пеструю и капризную массу разнородных, – с улыбкой спросил Карл, поглядывая на аккуратного, словно кофейное мороженное в белой обертке из фольги, официанта. – Та-ак, меню на столе, приступим к его анализу!

Сделали заказ и сели так, чтобы Отто видел всех – спиной к переборке, за которой размещался камбуз, лицом к эстраде. Довольно легко отыскался толстомордый и усатый «Клетчатый» – сидел в компании двух элегантных англичан и худющей до смертного ужаса дамы. Ее худобу не могли скрыть ни обильные одежды, ни пышные кружева, плотно охватывающие жилистую, как у ошипанной гусыни, шею.

«Господи! Если с нее содрать обшивку из всех этих блуз и юбок, то обнажится голый киль и весь шпангоут, – с непроизвольной брезгливостью подумал Отто. – Англичане – народ практичный, и если она миллионерша... то и желаннее всякой красавицы! Хо-хо!»

Через столик от «Клетчатого» сидел «Коричневый» в неизменно темных очках, словно в жилах у него текла кровь не человека, а никчемного крота, который страх как боится дневного света. «Клянусь священными водами Стикса, этот тип и на ночь не снимает окуляры! А-а, скорее всего, он страшно косоглазит!» – разгадал причину такой маскировки, как ему думалось, Отто.

Рядом с «Коричневым», вальяжно откинувшись на округлую спинку кресла, надувался от спеси седой господин с семейством. «Чиновник из Претории. Притом, средний чиновник, – определил Отто, присматриваясь к главе семейства. – Иначе не “распрямился” бы так, очутившись вне досягаемости начальственного взгляда!» Его крашенная в каштановый цвет супруга, наруганная и немного нервная, как будто попала не в свою «тарелку», слишком заинтересованно через старомодный лорнет изучала меню, вложенное в раскрытую малинового цвета папку. «Готов биться об заклад – задалась целью за время путешествия уменьшить свое водоизмещение как минимум на одну четверть! Не помешало бы!» – посмеялся про себя Отто. Их русоволосая милашка-дочь в нежно-розовом шелковом платье и с довольно смелым декольте пребывала в таком возбужденном состоянии, словно от этой поездки решался самый глобальный в ее жизни вопрос – выйдет ли она замуж, или ступит прекрасной ножкой за роковой возрастной рубеж...

«Лучше это розовощекое создание, чем индианка!» – неожиданно и как-то само по себе подумалось Дункелю, хотя за секунду до этого и в мыслях ничего подобного не возникало: значит, мозг самостоятельно держит наболевшую проблему под постоянным контролем.

Фридриха Кугеля, затянутого в форменный белый мундир с погонами гражданского флота Великобритании, Отто поймал в «перископ» почти у эстрады. Штурман завтракал в обществе трех дам и рассказывал им что-то весьма забавное, отчего дамы, все три уже в «бальзаковском» возрасте, улыбались и, сверкая перстнями, дружески грозили ему пальчиками...

Их взгляды встретились – над левой бровью Дункеля ни с того ни с сего дрогнул мускул, непроизвольно прищурился глаз. Сначала ему показалось, что это какое-то наваждение – чуть дальше от столика Фридриха Кугеля в одиночестве, через соломинку потягивал коктейль горбатый и полуглухой дворник Вилли Тюрмахер! Но приглядевшись повнимательнее, с немалым облегчением понял – не Вилли! Этому господину лет на пятнадцать меньше, едва за пятьдесят – голова в изрядной седине, на лбу, чуть ближе к правому виску, хорошо виден наклонный застарелый шрам. Нос прямой и несколько длинноват для привлекательного и сухощавого лица.

– Ты за кем так внимательно наблюдаешь, отец? – тихо, не поворачивая головы, спросил Карл. Вальтер наконец-то перестал усиленно изучать меню на обед и ужин, положил его на голубую скатерть, откинулся на спинку кресла, нетерпеливо посмотрел в сторону окна выдачи – к ним неспешно, но и без показной небрежности подошел официант со столиком на коле-

сах, ловко накрыл приборы, выставил кушанья. Когда официант неизменно вежливым голосом пожелал пассажирам приятного аппетита и откатил пустой столик-тележку, Отто, заправляя салфетку перед едой, тихо сказал сыновьям:

– Сейчас мимо нас будет проходить господин с пышной шевелюрой в светло-сером костюме, со шрамом на лбу – приглядитесь повнимательнее... так на всякий случай! Вдруг пригодится.

Карл, старательно разделявая с бифштексом ножом и вилкой, вроде бы без всякого умысла поднял взгляд, проводил вставшего со своего места господина, которого отец почему-то решил взять на прицел, машинально вращая ручку ножа в пальцах, с растерянностью проговорил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.